

Харрас Аюп

ЛЕТНЕЕ ТЕЧЕНИЕ

Стихи, поэмы

Казань

Татарское книжное издательство

2008

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2 Рос=Тат)-5
А11

Аюп Х.Г.

Летнее течение: стихи, поэмы / Харрас Аюп, пер. с тат. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 191 — с. — 1000 экз.
— ISBN 978-5-298-01653-7

В сборник вошли лучшие стихотворения и поэмы поэта, написанные в разные годы.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2 Рос=Тат)-5
ISBN 978-5-298-01653-7
© Татарское книжное издательство, 2008
© Аюп Х.Г., 2008

Поэтические волны

Полновесные стихи пишет Харрас Аюп. Полновесные! Что я под этим разумею? Размышление его не суетно, не затемнено, не перегружено отвлечениями образной сутолоки, метафорической обязательностью. Мир и нажитая модель миропорядка — такова формула волеизъявления поэта. Впереди еще много переходов, а преграды, само собой, будут. Без преодоления человек вообще не живет. Простота, кажущаяся, всегда обманчива. Многослоен откос. Проста, необходима крестьянская одежда, избегающая стеснения, пригодная для всякого движения. Я с удовольствием погрузился в поэтические волны Харраса Аюпа, понимая, как важно чувствовать под собой глубину. Ведь я знал, есть другая поэзия — легкого парения, недоговоренности, только музыкального ряда и лада, которая сродни игре бабочек, поблескиванию стрекоз на поляне. Не берусь судить о предпочтительности категорично. Но, это не я подметил, метафору переводить на другой язык проще, чем душевное волнение и сдержанность умолчания. Вот есенинское «Не жалею, не зову, не плачу...» Для объяснения этого состояния потребовалось бы, наверное, многословное прозаическое повествование. Так вот, Харрас Аюп не избегает смысловых перегрузок. Слово берет потяжелее камень для быстрого углубления. Он не будет хвататься за соломинку. Это далеко не голый рационализм, а сиюминутная работа разума и сердца... Явление Поэзии благодатно, не всегда ошеломительно. И как бы от соударения у меня моментально родились строки, как признание в общности поэтического братства даже в переводе с одного языка на другой: не по разным кельям сидим, как монахи, а проходим по цветущему лугу Жизни, где наверняка есть что терять и обретать.

Перевожу с одной души
на эту и другую:
томлюсь, ревную. Пусть зной,
но вижу вдруг реку я.
С коня снимаю
праздничную сбрую.
И катят санки...
Что я вижу!
Тянусь до выси —
опускаюсь ниже
лопуха.
А надо мною — облака
свеченье движут.
Тверда рука.
Гостей предвижу.
Дымок редет над Казанью.
Береза обливается слезами...
Перевожу с другой души на эту!
Не возоплю: мне мало света!
Иду по следу ветра.
И непонятно чей язык боготворю.
Горю!

Рустем Кутуй

ПАМЯТЬ

*Нам память не зря дана,
Мы без памяти — мертвое племя;
И запишет опять она
Те слова, что стирает время...*

Память

Нам память не зря дана,
Мы без памяти — мертвое племя;
И запишет опять она
Те слова, что стирает время.

Запишет она опять
Все что было — огонь и град:
Ни мгновенья не вправе терять,
Ни крупицы зла и добра.

Память наша не для обид —
Никого не возвысит мщенье,
Но тому, кем был позабыт
День минувший — не знать прощенья

Дня грядущего; и не станет
Вскоре тех, кто не внял заветам,
Нашу жизнь удлинит лишь память —
Слишком короток век человека.

И не скроет кулиса лет —
Те, кому суждено остаться,
В этой жизни оставят след
И ушедшие возвратятся...

Белый метеор

Картина врезалась и запеклась.
Как ветер, «Метеор».
След белый, рыхлый.
На гладкую волну
зеркально тень легла —
несущиеся крылья.

Слоисто берега лежат в реке —
то лес, то темные руины.
Так вены проступают на руке...
а тут их вскрыли!
Клубимый мглой и обагримый
закат невдалеке.

Нас провожают взглядом —
Мезозой,

Палеолит...

Век каменный. Век ледниковый,
окрашенные охрой, бирюзой.
И тени всадников.
Звенящие подковы.

А мы устремлены стрелой,
отпущенной мгновением из лука.
Волна кипит, вскипает за волной.
Как сабля, гнется серебром
излука.

Невольно сердце оторопь берет.
Игла скользит по краешку сознания:
летим иль переходим вброд
согретое дыханьем мирозданье?
И след за нами взвихренно поет.

Возвращение в Булгар

Душа не знает края,
в небесах парит,
но что прошло — боготворит.
Тысячелетья минули —
сошел последний лед —
в Булгарию приплыл наш теплоход.

Ты, время, не размеришь
сердца ход,
в одном дыханьи
пламя и озноб невзгод
сошлись виденьем прошлых дней.
Руины вспомнят ли своих детей?
Ты, Малый Минарет?
Вы, памяти останки,
осколки разума былого?
Здесь воют по ночам собаки,
и не услышишь слова.

Ты, Черная Палата и Усыпальница
мятущегося хана!
Песок, просеянный
сквозь пальцы...
Все бездыханно.
Лишь камни. Вслушиваюсь, стремясь
соединить разрозненные звенья.
Когда б лучи мне подсказать
сумели мелькнувшие мгновенья
устаи Кул Гали...
Вернулся. Ладно!
И в горечи бывает сладко...

А теплоход из Булгар уплывает.
Ждет новый день и высь-полет.

По Каме тянется тысячелетий плот.

* * *

Смерть, война или кровная месть
Увенчали вершины истории.
Что ни день, то тревожная весть,
Нет конца пролитию крови.

Стрелы лютые в сердце летят,
Век за веком пронзая Лету.
Из земли острями блестят
Сабли, что оставили предки.

И до края полны сундуки,
Ты взгляни, как набилось время,
Растерялись по миру венки
Предыдущего столпотворенья.

Береги свою песню, поэт,
Чуток будь и гони уныние,
Не наткнись острием пера
На давно погребенные мины...

Я хотел пережить эпоху —
Испещренное битвами поле,
Как далась человеку — крохе —
Многолетняя жуткая воля.

Как он, в будущее свое
Обратясь, не забьется в плаче?!
Век за веком жгло острие
Самой первой стрелы горячей...

В Муслимовском музее

Двадцатый век остался за дверьми,
И вглубь времен проходим мы неспешно.
Вот залы наполняются людьми,
Тенями навсегда от нас ушедших.

Здесь крутится как встарь веретено,
И что-то ткут невидимые руки,
И в схватке двух мужчин предreshено,
Что оба победят вражду и муки.

Вот воля — нержавеющей сталь —
Ей не страшны ни ложь, ни вероломство,
А ружья все останутся пускай
Лишь в прошлом — не достанутся потомству...

Вздымаются со дна могучих рек
Погибших мамонтов большие кости.

Из глубины веков идет на свет
Народов смелых праведная злость.

Татарский дом. К какому торжеству
Расшито полотенце вязью кружев?
Двадцатый век по тонкому мосту
Лучась из окон просится наружу.

Ты лишь взгляни, и тут же на язык
Придут веретено педаль и пряжа.
По занавесу времени скользит
Былого тень. И лучик света пляшет

Над памятью разбуженной груди.
Ушедшие вернутся через годы,
И год за годом тянутся народы
Сквозь времени несметные гряды.

Рана

Болит... Болит... Болит...
Не утихает —
Который год уже, который век!
Дождь омывал ее, ветра ласкали,
И хоронили белые бураны...
Земля укрыла желтым одеялом,
И усыпала каждый год цветами.
Никак не залечить ее — болит
Моя незаживающая рана.

И режут, сыпят солью... Почему?
Теперь уж я один сплошная рана,
Все на ногах...
Убийце своему
Навстречу до сих пор иду!
Я ранен,
Каждый новый шаг мой году равен.
Четыреста тридцать девятый шаг...
Кровавый, ждет, пока я упаду...
А я иду и, стискивая зубы,
Еще иду.

Вот шаг четыреста сороковой.
Все ждет падения убийца мой...
Ах, если упадешь — не падай в ноги!..
Мой путь иной,
Иная у меня
Кааба,
И — болит... Болит... Болит...
Утихну я, но не утихнет мука,
Ведь если ранен на земле народ,
То вся земля — безвременье и смута...

Больное место

Больное место привлекает боль.
Как терпишь, сирота, ведь плохо, плохо!..
Опять тебя сломали, мой народ,
О время, о никчемную эпоху.

Наркотиками дух твой усыпить,
Расстроить сердца дремлющие струны...
Бесстыдны и лукавы языки
Вещают ложь с возвышенной трибуны.

Больное место привлекает боль.
И в этот раз мы не уберегли,
Неведеньем прикрыв дурную волю,
Польстившись на чины и на рубли.

Беспутство — не черта отдельных рас —
Народ взревет, один — клинок наточит,
И в головах сто мыслей вспыхнет враз,
В сердцах — сто горьких ран закровоточит.

У времени болела б голова...
Чему болеть, коль нет ее в помине!
Мы терпим, пряча страшные слова,
Ах, что за народ! Кто мы отныне?

Народ ли мы? Иль мы иных пород?
Адам наш дед иль черная овца?
За изгородью жизнь, на ключ язык,
И от удара не поднять лица.

Жизнь

В одном конце пути — ребенка смех.
У малыша вихор белей, чем лен.
Он хочет побежать быстрее всех —
Лишь Богу ведомо, чего достигнет он!

В другом конце пути старик седой —
Причесанная ветром борода...
«Эх, добеги ко мне, мальчишка мой!» —
Он, обернувшись, смотрит сквозь года.
Глядит, глядит сквозь долгие года...

* * *

В цветении полян брожу один:
Как много света мне лишь одному!
И в небе — облаков, как в море — льдин,
Цветов охапку в руки я возьму!

Как много птиц поют на все лады.
Неужто для меня весь праздник твой,

Природа, может быть, ошиблась ты,
Напутала — кто я перед тобой?!

Когда меня согнуло бытие —
Ты мне готова руку протянуть,
Природа, чтоб величие свое
Я знал и помнил, ты со мною будь!

* * *

Зарей приподнят горизонта край,
Зажглись верхушки тоненьких берез.
Рождается неслышно новый день,
Чтоб пенье соловья не прервалось.

Язык древнейший заново открыв,
Леса тихонько шепчут о своем.
И крупный жемчуг падает в траву
Под деревом, где соловей поет.

В сердцах людей
Сумел гнездо он свить —
Не на ветвях спокойных тополей!
Способную вместить любую боль —
Где взял такую песню соловей?

И, может быть, освоим эту речь —
Кто знает — мы когда-нибудь потом.
...О сокровенном шепчет мудрый лес
На древнем языке вселенском том...

* * *

В слезах большого счастья нет, я знаю.
Желанье плакать вряд ли кто имеет;
Но есть у жизни сторона иная —
Не счастлив тот, кто плакать не умеет.

Людских судеб чистейшие минуты —
Минуты плача... Мы страданьем дышим...
У тех, кто равнодушьем не опутан,
Становится душа мудрей и выше.
Раз кто-то плачет — плохо, не иначе...
Но если нет — то радоваться рано.
Я счастлив, если от судьбы не плачу,
И счастлив, если плачу, как ни странно.

* * *

Сыну Айдару

У дома рода я — одно окно,
Распахнутое в мир. И там, вдали,
Ста поколениям было суждено
Излить печаль на древний лик Земли.

Отцу и давним предкам в летний день
Хочу я показать ручьи, цветы,
Садов цветущих ласковую сень,
Как весело, сынок, смеешься ты.

Ночами часто не смыкаю глаз
От мыслей, что рождение зари
Не видят предки, но их песни в нас
И в наших сыновей перетекли.

Сомкну я веки, как придет мой час,
Закончив путь нелегкий для того,
Чтобы надежды те, что жили в нас,
Зажглись в очах у сына моего.

Его глазами вновь я загляну
В грядущее. Быть может, мне оно
В распахнутое рода моего окно
Покажет новую счастливую страну.

Сундук жизни

Старый, простой синий сундук, белым железом обитый,
Что же внутри, в сундуке, хранится?
Стоит открыть, и является прошлое
со своей свитой —
И намокают коротенькие ресницы.
Память о девичьей юности: платье,
расшитое канителью...
Было же все-таки — тонкая талия...
Серебряный браслет... было... и пролетело...
Не знали цены этому... и все мечтали...
Пудра-румяна остались почти не тронуты —
А когда подарены — были яркие...
Сколько же слов не сказанных канули в тихие омуты
Вслед за этим подарком...
Вот младенческий чепчик, и рядом — первые локоны.
Но нет у тебя давно уже сына...
Плывет в небесах к закату из боли твоей соткана —
Большая туча, как темная льдина.
Письма целы, что писала дочь,
ордена и медали мужнины
В целостности и сохранности здесь.
Словно память твоя, вещами нужными и ненужными,
Полон сундук — все в нем, оказывается, есть...

Все, что должно случиться, с тобой случилось давно,
Себе приготовила ты погребальную ткань;
Но... что-то не отпускает, держит тебя все равно —
Что-то осталось еще на дне сундука...

Каждый раз, открывая, оно будет стучаться в душу,
Будет будить тебя, в сны проскользнув

и покой нарушив...
Внукам твоим останется от тебя сундук-жизнь...
Что же внутри у него лежит?

Летнее течение

День праздничный, звонкий, легкий.
Цветом липы тянет с Волги.
Коршун, ивы, тропы, лодки,
голос трубный, долгий-долгий...
Образ женщины далекой.
Раз — и навсегда.

Кремль, как парус по теченью.
Стен отброшена гряда.
Девушки гуляют со значеньем,
взглядывают: эй, спешишь куда?
Улиц головокруженье.

Летнее течение по дворам играет,
треплет пересохшее белье.
Как вино по чашам разливают —
уговаривают, повелевают.
На младенца ковш прохлады льет...
День такой, каких и не бывает!

Ласточки парят по неба краю.
День взнесенный празднично-хорош!
Поворачивай любую гранью —
всех лучей, дружок, не соберешь.
Берегись, чтоб сердце не украли!

Не осталось в мире обделенных.
Блики слитками разбросаны в траве.
Летнее течение спокойное,
зеленое.
Жизнь погладила меня по голове
в середине лета...

Ключ языка

Богатства не вымаливала нам,
В сердцах нередко бедность поминая,
Ты, мама, открывала путь к словам,
Значение и цену слов тех зная.
Как часто покидая отчий дом,
Не думаешь о тягостях похода,
Родною речью по стране ведом,
Вслед солнцу — от восхода до захода.
И нет закрытых душ в твоём краю,
Когда имеешь к ним ты ключ заветный.
Зову ключом я этим речь мою,
На ней привет аукнется ответно.

Несчастен тот, кто свой язык родной
Забыл, — чужим среди своих он будет,
И средь чужих он вряд ли будет свой,
И всяк, кому не лень, его осудит.
Не примут люди от него добра —
Оно стрелою острой обернется.
Народом ключ придуман не вчера,
Вот потому-то он родным зовется,
Язык наш.
Мама, ты дала сынку
Богатства мудрости в словах исповедальных.
Храню я их, как ключ к эпохам дальним,
И кланяюсь родному языку!

Полет

Летаю я во снах до сей поры
И ощущаю крылья за спиною.
Мечта летать сквозь годы и миры,
Увы, увы, не блещет новизною...
И все ж лечу!
Лечу дорогой птиц,
И странно, но меня не удивляет,
Свободный мой полет среди зарниц,
Что суету сует не освещают.
Все мелкое осталось далеко,
Пустые хлопоты внизу исчезли —
Им вознестись до неба нелегко,
И пусть останутся навеки в бездне.
Здесь родина кристальной чистоты,
Свободы, для души необходимой,
Пространства необъятной широты,
В сравненье с ними жизнь —
Лишь день единый.
Проснулся я:
Где крылья? Их уж нет.
Но вниз я опускаться не желаю,
Пока живу, еще я летаю,
Хоть остаюсь на брэнной я земле.
И позову себя сто крат в полет,
Покуда птица в сердце не умрет...

Бабочки

Говорят, душа умершего возвращается бабочкой...

Из народных поверий

Эх, по поверью б, в летний зной,
Безвременно ушедших души
Слетели б стайкой расписной
К живущим ныне, их послушать,
Хоть раз один поговорить
О том о сем, взбодрить былое,
Забуть плохое, затворить

Калитку в мелочное злое.
Осуществятся пусть мечты
И сонмы бабочек чудесных
Пушкай слетятся на цветы,
Что светятся в лугах окрестных.
Быть может, обращусь в цветок
И я, чтоб, аромат вдыхая,
Душа отца мой лепесток
Качнула, крыльями порхая.
И чтобы ты, о мой малыш,
Слетел ко мне, тебя согрел бы
Своим дыханьем... Ну услышь,
Услышь меня в лазурном небе!
Как неприкаянный брожу
Сегодня по лугам и долам,
На ярких бабочек гляжу,
На странный их полет веселый.
Как хорошо, что есть пока
У смертных Вера во спасенье,
И вслед за смертью воскресенье
Придет. Душа вспорхнет с цветка,
Как бабочка к небесной сени.

На майдане, где прошел сабантуй

Вчера здесь бурлил сабантуй огневой,
Собрав на майдане родных и друзей.
Прекрасно, что древний обычай живой
Встречает поныне немало гостей.

Там скачка лихая, а там на столбе
Батыр распластался,
К вершине ползет.
Так Смелость обычно перечит судьбе,
Но вот похвальбе,
Не всегда здесь везет.

Здесь искренно ценится острый язык,
Когда он незлобен, находчив, шутив.
А песни, к которым ты с детства привык...
Как дорог душе их нехитрый мотив.

Недаром друзей собирает майдан:
Пусть знают, как добр наш народ и красив.
Веселым подарком нам праздник был дан,
За то, что трудились, богатств не спросив.

Пусть праздник прошел, проводили гостей,
Но радость их душ, их сердец теплота
Остались у нас. Будем ждать их вестей,
И новую встречу лелеять в мечтах.

Бермудский треугольник

Ну что ж за чертов этот треугольник,
В нем хулиганят компасы, часы,
И самолеты, в бездну опрокинув,
Стирает он с радарной полосы.

Найдешь корабль в нем в дрейфе
Без команды
В кают-компаний парит горячий чай,
Сигары тлеют, паруса на вантах,
Но нет людей, — исчезли невзначай.

Живых никто в нелепой той фигуре
Бермудской никогда не находил,
Наверно, сатана там, самодура
Всех мариманов в пекло угодил.

Найти что хочешь может археолог:
Алмазы, яхонты внутри своих пластов,
Но что скрывает чертов треуголок
Захочет он узнать, и был таков.

И никому не будет интересна
Частичка статистических потерь.
А был он или не был, неизвестно,
Чему тут удивляться, если честно,
Вот то и удивительно теперь.

* * *

Только что синие весны пели...
Осень вошла. И когда успела?! —
Из сентября пропадает зелень
Еле заметно. Пока несмело.
Падают заморозки. Неявно
Лето жизни к осени клонит.
Дальше, все дальше уходит плавно
Голос кукушки, что юность помнит.

Только лишь ветер в душе ютится,
Слезы просохли — давно не плачу.

...Сможет ли лето с тоской смириться?..

Сердце поведало все, не пряча, —
Выслушав, улетели птицы...

* * *

То жаворонка песнь, то соловья
О чем-то мне сказать наверняка
Пытаются — не понимаю я...
Мешает тьма незнания языка —
Блуждают мысли в этой тьме века...

О мир, твои изящные цветы —
Чтоб кто мне вспомнился — показываешь ты?
Не вспомню... Достоянье темноты
Истории — давнишней славы дни
Прекрасные. Забыты мной они...

Стараясь приоткрыть завесу ту
Ты посылаешь людям красоту,
Но сожаленьем полон человек —
Опаздываешь ты из века в век!

Не мучай, хватит, память возврати!
Ведь я же должен, прежде чем уйти,
Так высказать земле слова свои,
Чтоб их понять сумели соловьи.

Мы с Солнцем — односельчане

С Солнцем мы односельчане!
Как, вы этого не знали?
Вместе с ним мы спать ложились,
Вместе с ним же и вставали.

Только день начался — вместе
Поиграть выходим разом.
Если вдруг оно пропало,
Враз приманим кашей с маслом.

С нами плачет и смеется,
Нам оно благоволило.
— Как дела? — в окно заглянет,
Не посмотрит, что Светило!

Сколько раз мы с ним играли
В раннем детстве под оконцем...
Пусть теперь мы повзрослели,
По пути нам вместе с Солнцем.

Мы же с ним — односельчане,
Разлучить нас кто возьмется?
Этот мир для нас прекрасен,
Оттого что в душах — Солнце!

Живые цветы

Эй, вновь цветы проснулись по весне,
Они корнями в жизнь проросли,
Они сверкают в каждом окне,
И у людей в сердцах расцвели.

Какие б мой народ не знал века,
Какие б не испытывал он дни,
Его душа с душою цветка

Своею красотой сродни.

И не грозим из окон кулаком
Мы чужакам, идущим мимо нас;
Входящих в дом, встречаем их цветком,
Прощаясь, говорим им: «В добрый час!»

Так пусть повсюду в душах людских,
Как в почве неземной доброты,
Пронзив коросту тягот мирских,
Свои побеги пустят цветы.

Эй, вновь цветы проснулись по весне...
Забудь унынье, с песней живи!
И пусть взойдут в любой стороне
Цветы от нашей светлой любви!

Древо рода

Безумствуя, рубили древо рода мы,
Оправдываясь, что пришла нужда,
Ствол предков, топором уродуя,
В кострах сжигали ветви без следа.

Горело древо,
Полыхая кроною,
От боли корни рвали плоть камней.
В чьей власти жизнь родов исконная?
Расти ли дальше древу много дней?

Ужель у всех родов судьба единая, —
Коль древо есть, найдется и топор?
Но донесла история старинная
О том, что был и топорам отпор.

Вплетались в землю корни вековечные,
Не выкорчевать родовые пни,
Из них стволы возрастали к небу млечному,
И до сих пор еще живут они.

Мы — все побеги древа рода гордого,
Наш долг —
Раскрывшись молодым листом,
Сквозь время вызреть новой ветвью твердою,
Чтоб креп наш род сегодня и потом.

Еще глубже...

Вечно что-то ищет человек.
Чего он ищет?
Захлестнет волна и опадет.
Мне б жемчужину добыть,
я трижды нищий,

брошенный в судьбы круговорот.
У людских сердец стою, как у ворот.

Мне б жемчужину
со дна мирской пучины...
Мне б... добыть, а горести не в счет.
Горевать положено мужчине:
должен знать,
на рынке что почем.

Думал, истину я получу от друга.
«Глубже поищи, в другой глуби... —
Голос чей вошел ко мне
без стука? —
Одиночество, как праздник,
возлюби!»

К очагу вернулся древних предков,
чтоб коснуться полога земли,
голос мне опять:
«Не здесь, не где-то...
Не достанешь искру из золы!
Глубже, глубже...»

Я ходил кругами,
погружаясь в беды с головой,
головни разбрасывал руками,
обжигаясь, на ненастье злой.
«Глубже, глубже...» —
только это слышал.

Понял, наконец, что края нет.
Вечную траву весна колышет.
Льется с высоты небесный свет.
И чем глубже, истина желанней.
Пока сердце бьется, дышит грудь.
Ветерок овеял ночь шелками.
Жемчуга рассыпал Млечный путь.

* * *

Злое слово дошло до меня...
Как огонь, я его проглотил.
Пусть душа догорит до угля,
Мир остался прекрасен, как был.

Ветер носит порой меж людьми
Слово, что до нутра обжигает...
Отчего же наш мир не в грязи?
Кто сам видел ее — никогда не узнает.

* * *

Нам небеса являют красоту

Такой огромной, ясной, чистой силы!
Твой путь лежит сквозь эту чистоту
От крика первого до глубины могилы.

Как подавляет это волшебство!
И как бы ни хотел им насладиться,
Не унести сияния его,
Ни даже незначительной частицы.

Но с этим светом слиться может то,
Что нас природа щедро наградила.
Так не жалея сиянья своего
От крика первого до глубины могилы.

* * *

Куда б ни шла дорога этой жизни,
Мне век не обойтись без укоризны —
Есть человек,
И он идет за мной,
Его дыхание я чувствую спиной.
Он все глядит, куда же я шагаю,
Он слово скажет — это помогает,
И если вдруг его увижу взгляд —
Узнаю сразу, в чем я виноват.

Судьба все вяжет жизненный клубок,
Что б ни случилось — я не одинок,
Есть человек,
И он со мною рядом,
И больше ничего уже не надо.
Я с ним всегда сверяю каждый шаг,
Его я чувствую, и с ним живу я в такт,
Как мысль, что голове не даст покоя,
Так этот человек всегда со мною.

Жизнь треплет человека, как канат,
Пусть в чем-то прав я, в чем-то виноват,
Есть человек,
Он впереди меня,
Он вроде путеводного огня.
С ним не собьешь дыхания вовек,
С ним не заблудится усталый человек,
С ним на судьбу не надобно пенять,
Он точно к цели выведет меня.

* * *

Начиная себя узнавать,
Все казалось мне странно знакомым —
Словно я не впервые родился —
По ошибке на землю повторно
был отправлен. И мир удивился:
Он не звал, и не гнал восвояси —

Так я снова на свете прижился...

...Снова на руки смог опереться,
Снова на ноги встал и увидел:
Все так близко и все соблазняет,
Кем же был я в тот раз предыдущий? —
Не могу только этого вспомнить.
По лицу меня ветер погладил —
Показалось — знакомая нежность...
Не хватает чего-то на свете...
Не хватает кого-то... Порою
Вдруг обнимет печаль отчего-то...
Вкус воды, запах воздуха знаю,
Слышу пение птиц, но как будто
Что-то важное все ускользает...
Где оно? — Я пока не увидел...

...В этот раз не успею, похоже...
Жизнь сбывается без остановки.
Что-то в ней остается такое... —
Чтоб узнать, видно все же придется,
Мне еще раз прийти, не иначе!

Смотрю, как всходит солнце

Как солнце всходит над землей, смотрю.
Начало дня спокойно всегда.
И, окуная душу в зарию,
Я грешен —
Со стыдом говорю...

Каким по счету в мире был рожден
Неважно, если солнцем согрет.
Смеешься ты, иль в грусть погружен
Неважно, был бы солнечный свет.

Пусть тучи покрывают чернотой
Хрустальную небес синеву.
Хулить весь мир не нужно, стой!
Увидишь снова свет наяву.

Как солнышко заходит, я смотрю,
Платочком красным машет мне оно...
Кто завтра утром встретит зарию?
Наверно, тот, кому суждено...

Прыжки через огонь

Детишки стерегли коров
Вблизи села в ночном,
Сбирали хворост для костров,
Борясь с коварным сном.

Чатыр-р-чуфыр-р огонь костра
Фырчит к исходу дня,
И вот уж скачет детвора
Сквозь языки огня.

Как здорово перескочить
Через палящий круг:
«Ну что, огонь, не смог схватить,
Что, не хватило рук?»

Но умудрился жар тогда
Нам брови опалить,
Вошел он в память навсегда
И в ней он будет жить.

Поньше
Мы через костры
Прыжки свои творим.
Не так ловки, не так быстры
И потому горим.

Тех, кто сгорел, в золу растер
Огонь без укоризн.
Не перепрыгнуть тот костер,
Что высотой в жизнь!..

Синица

Остановись, Человек!
К твоему окну
Прилетела синица!
Ей не важно знать который век,
И который сегодня год —
Важно: кто за стеклом,
Что делает? О чем пишет?
Может ли он сотворить зло?
Есть ли в душе его милосердие?
Смотрят две черные бисеринки,
С сомнением,
Настороженно.
Будто говорят: «Боже,
И от этого нет толку!..»
Улетела обратно в лес,
Улетела синичка... пропала...
Я стою в замешательстве, словно
Человек, уличенный в злодействе:
Растревоженно и неосознанно
Ищет взгляд
Чей-то след в поднебесье...

* * *

В этом мире меня любили.
Любовь моя к миру ответна:

Навстречу свету нового дня.

До прошлого хочу вознестись,
Чтоб в нынешнее вновь не упасть,
Чтоб от душевной грязи спастись,
Чтоб в низости людской не пропасть.

Вы вознесите, крылья, меня
К зарницам от проклятых времен,
Чтоб высветили блики огня
Сквозь призму слез величье имен.

Те имена нам души спасут,
И к славе наших предков святых
Они, как крылья, нас вознесут
Сквозь горечь этих дней непростых.

Потоки черной славы о нас
Потопят тех, кто вылил ее.
И разверну я крылья в свой час,
И вознесусь я в небо свое!

Татарская песня

Чтоб не утратить языка,
Излилась песнею страна,
Татарский край мой, где века
Благословляет нас весна.

Ведет нас песня за собой
Достойным праведным путем,
Хоть тяжек он для нас порой,
Мы молодеем и растем.

Судьба у песни нелегка,
Она зачахнет в кабале,
Подобно стебельку цветка,
Что вянет на чужой земле.

Стремился песню ветер злой
Нешадным воем заглушить,
Бушуя над страной родной,
Не смог он суд над ней свершить.

Там родина, где ты поешь,
И тот язык, что ты поймешь,
И тот цветок, что ты найдешь
И милой нежно поднесешь!

В каких бы ни был ты местах,
Благословенней нет земли,
Татарской песни доброта

Здесь все печали утолит.

Праздник гармонии

Гармони за окном разлились,
Эх, не остаться бы и нам в стороне...
Вставай народ, вставай, не ленись,
Ну, хватит прохлаждаться во сне!

Поет гармонь, иль плачет с тоской,
Душа народа полнится с ней,
Пишу стихи, утратив покой,
Быть может, песней станут моей.

Сказать я в этой песне хочу:
«Не нужно зря тревожить огонь.
Коль кто-то руки тянет к мечу,
Берет татарин в руки гармонь».

Гармонь татарин в руки берет
И расправляет парус души,
А парус этот в вечность ведет,
Которую нельзя сокрушить,
Коль песня в ней татарская ждет!

Майдан зовет на праздник гармонь,
А меч пусть полежит в стороне,
Не надо, друг, его ты не тронь,
Быть может, проржавеет к весне...

Страдания в глубь веков отойдут,
Чтоб беречь нам злобой сердца,
Когда они лишь праздников ждут
С гармонью, что в руках у певца.

Не мелодии были

*Заслуженному врачу Татарстана
Равилю Шаймарданову*

Стою, ошеломлен — хирург ли ты
Иль нет? Сегодня ты от Бога гармонист,
А пальцы эти в море суеты
Нам утверждают, ты — вдвойне артист.
Талант врача от Господа всегда,
Ты Веру даришь людям, свет души,
А с ними жизнь. Где Веры нет — беда, —
Так можно все на свете иссушить.
Но если доктор в музыку влюблен,
Он врачеватель дважды и тройне,
Своим дыханьем дарит людям он
То, что они бездумно жгут в огне.
Что толку в многотысячье лекарств,

Коль умерла гармония души,
Пройдет табиб сквозь сотню сотен царств,
Но без любви болезнь не сокрушит.
Пусть эти пальцы в море суеты
На планочках гармонии отдохнут,
Сожмут вновь скальпель,
Острием мечты утраты срежут,
Снова жизнь вернут!

* * *

Разворачиваюсь и смотрю:
В снежном буране
Годы продолжают кататься на санках,
Из виду теряются...
О том, что мы тоже в санях
 не догадываются они!
Да, не догадываются годы.
Только вот
У жизни-то сани единственные:
Каждый раз падая, вновь поднимается,
Поднимается потомок Адама.
И все равно остается на вершине,
Навсегда остается — хочешь не хочешь.
А горы-то здесь какие высокие...
И уже не могут годы сесть в твои сани!

Йа Илахым!..

Не забываются слова, что слышал в детстве,
Меня сопровождают день за днем:
— Йа Илахым!.. —
Взывая к состраданию,
Вздыхала мать в отчаянье своем...
А кто ж еще поплачет за нее?

Ходили те слова от дома к дому.
С судьбой смирившись поздно или рано,
— Йа Илахым!..
И снадобье как будто
Прикладывал народ к открытым ранам.

Настал черед — я тоже вопрошаю:
Неужто же не слышно плача, воя?..
Неужто не достойны слов других мы,
Йа Илахым,
За что же нам такое?!

Куда ни глянь, повсюду ясновидцы —
Что будет завтра предсказать не в силах.
— Йа Илахым!.. —
В отчаянье вздыхает
Над бранным миром вечное светило.

Слова обиды, обращенные к Миру

Не по своей я воле пришел,
Наверно, так сам Бог пожелал,
А ты мне добрых слов не нашел,
Вид сделал, что меня не узнал.

За годы я
Познал для себя
Лишения и море обид —
Они бурлят в крови, и, скорбя,
Вдруг понял, что тобою забыт.

Чтоб каждой кочке кланялся я
На предначертанном мне пути
Ты хочешь, но судьбина твоя
Не вечна так же. Ты уж прости!

Ты нос свой слишком не задирай,
Знай, прежде чем закончу свой путь,
Скажу я: «Слушай, Мир, ты — не рай!
Прими сочувствия! Не обессудь!»

Воды глубоки...

В Волгу нырнешь — как вода у нее глубока!
Заговоришь и поймешь: наша речь глубока.
Подлинной жизнью живешь — и судьба глубока...
Так и была глубока, только сглазили, видно, ее.

Сглазили... но не простилась надежда со мной,
Если ругали — терпел, и терпел, когда бьют.
Волга всегда глубока, и не будет иной,
Но времена — по колено теперь воробью...

Оседлали коней мальчишки...

Коней горячих мальчишки оседлали.
В тот день
Покинуло их мальчишечье детство.
Отстало, кажется... И догонит едва ли —
Коня обогнать у пешего нету средства.

Коней оседлали мальчишки. Уезжают...
Вот взнузданы кони
И к цели несут заветной.
Тихонько приходит время, когда мужают —
В мужчин превращаются мальчишки незаметно.

Коней оседлали... И смотрит джигитом каждый —
Довольны будут, наверное, их отцы!
...Узду натянув, старики остановят однажды
Коней, что когда-то, смеясь, оседлали юнцы.

* * *

Выйдет солнце.
Воды встрепенутся.
Даль прохладой тронет быстрый ветер...
И подстать ему один безумец
В поисках ума пойдет по свету:

Горных пиков он познает холод,
Сон долин, лесов туман овражный...
Все пути напрасны,
Все напрасно —
Нужных слов ему никто не скажет.

Так ни с чем исчезнет незаметно.
Росы диких трав над ним прольются...
Только ветер, умных обгоняя,
Будет вновь и вновь искать безумца...

* * *

Люди говорят: «Цветок раскрылся» —
Это сердце мне раскрыла рана.
Говорят, цветок...
И заалела —
Капельками на цветах герани.

Вы не троньте красные цветы,
Знаю, не один я нынче ранен...
Посмотрите, как черна эпоха —
Оттого краснеет цвет герани...

* * *

Звонит простор натянутой струной
Над черной обнаженной землей,
Сиротство жжет ее, как будто зной
Ей посыпает голову золой.

Мир сузился,
Когда ушли от нас,
Мудрейшие, великие умы,
Века разбились, превратились в час,
И вновь мы оказались
В царстве тьмы.

Печали покрывают сединой
Взрослеющих адамовых детей,
Их лики под осенней желтизной
Все тянутся вослед
Ветрам страстей.

Уходят современники мои,
Не успеваешь помахать рукой,

Но бранный мир
Пока еще стоит.
Боюсь, не долго у него покой...

* * *

Иду теперь к границе бытия,
Мне одному известен этот путь...
Биенье сердца слышу своего.
Остался миг — вдохнуть, наполнив грудь.

Мне одному известен этот путь...
Моя тоска — не горе для других.
Страданий чаша здесь полным-полна —
Преодолей в одно дыханье их!

Заблудившийся ребенок...

Слушая пение Хариса...

«Лес черен, ночь над ним черным-черна...» —
Ребенок чей один в глухом лесу?
Так сколько ж сотен лет живет она,
Та песня, что в душе своей несусь?

Что толку снова спрашивать о том,
Скрывает раны чьи седой урман,
Когда вошло страдание в твой дом
И боль обволокла нас, как туман.

От боли этой хочется кричать —
В лесу мы!.. Точно: лес вокруг, и в нем
Запрятаны под черную печать,
Ждем новых, лучших для себя времен.

Бессмысленно деревья вопрошать,
Придет ли время то, когда поймет
Нас Родина. Не будет лес мешать
Делам людским. Он лишь покоя ждет.

А в песне все бредет малыш в ночи,
И мы страдаем, слушая напев,
А лес оглохший
Как всегда молчит,
Плащ безучастья на себя надев.

ПЕРО СУДЬБЫ

*И недра земель прозревает и горную высь,
Плохое, хорошее — пишет и пишет перо...
Чья воля его поместила меж злом и добром?
За что же сурово так с бедным пером обошлись?..*

Весы

*Среди вещей в ящике стола
Габдуллы Тукая были Коран и револьвер.*

Два ангела явились нынче мне —
Коран и револьвер
соседей согласно.
Так, точно успокоились на дне
души их крылья. Но огонь не гаснет.
Мысль постоянно сторожит
и у виска дрожит.

Руке ли дотянуться до курка...
Вот — запах выстрела
и — оглушенье.
Короткий вздох —
и кончены лишенья.
Прервется ль жизни вечная река!
Колеблются надежда и сомненье.
Приманивает черных дней конец.
Ужалась гадина в столе,
ужалась тенью,
безжалостен ее свинец.

Да, годы тяжелы, придушены.
Смятенье укроти, Коран!
И примири. Храм не разрушен.
На древе жизни старая кора.

О, сколько раз спускал курок
всесильный Бог!
А тут два ангела пригнули плечи:
Мне сдаться?
Жуть перетерпеть?
Молитва ли покорного излечит?
Даст отдых смерть?

Что ангелы? Я им не покорился!
В уединении моем
удерживает нить
спокойной мысли.
Покуда мы листаем день за днем.

Если задуматься...

Было, что волосы за ночь седели,
Если вдруг горе настигнет тяжелое...
Вот — пожелтели,
Какое же горе
За ночь постигло березы белые?

Мы понимаем — осень виною.
Что можем знать мы о чувствах деревьев.
В эти мгновенья, прощаясь, навеки
Листья уходят от нас с тобою...

Лист за листом — удержать невозможно —
Дни улетают в разверстую вечность...
...Если задуматься, как мы беспечны —
За ночь покрыться сединами можно.

* * *

Вслед за весной наступает лето,
Осень, зима — чередой, вереницей.
Не отрываю взгляда от неба:
Птицы по небу... по небу птицы...

Птицы летят...
Из каких столетий
Чьи это души восстали в смятенье,
За караваном — второй, третий...
Через пустынность нашего времени.

Слышишь, несется во мрак и беспечность
Крик на куски разрывающий душу.
Птицы, куда же вы, скорби сердечной
След оставляя над морем и сушей?

Крыльев себе как бы не опалили —
Путь каравана лежит через сердце.
Может быть это обретшая крылья
Боль, не вместившаяся на планете.

Не отрываю взгляда от неба —
Птицы по небу... по небу птицы...
Словно взлетаю вдогонку, следом,
Чтоб никогда уже не возвратиться...

Мир сегодня

На губах его капли молока.
«Мама» — первое он знает слово.
Удивительно все и ново! —
Мир — ребенок еще пока.

Даже с ветром он может состязаться.

На плечах его — крылья мечты.
Сколько света на земле и чистоты! —
Миру этому сегодня семнадцать...

Долг великий на плечах у него —
Он несет свое священное бремя:
Наступило быть мужчиною время —
Беды родины важнее всего!

Руки слабые не держат поводьев,
Позади уже ошибки, расплаты...
«Разве, молодость, со мною была ты?»
Слабый, немощный старик — мир сегодня.

Нам дано его не много, не мало —
Мир всегда длиною в жизнь человека;
Так Всевышним суждено — век от века
Мы торопимся всю жизнь от начала.

Встреча со столетним стариком

Как будто борозды с полей
На лоб его перебрались.
Ни слова молвить не хотя,
Глядит седоволосый век...
Он столько повидал всего!
Он жил,
И с удивленьем вник
Как скупы на слова века
Терпение — характер их...
Хотя понятно и без слов:
Косил, пахал и сеял он,
И войн безумье одолел...
Шел сквозь огонь и сквозь тайфун
Минувший век...
Зачем слова?
Дела его
Нам объяснят:
Зло — не способно долго жить,
И вечно помнится добро.
Но до сих пор душа болит:
Он облик горя не забыл;
Года — юнцы еще пред ним...
Что сделают они с землей?
Одно желанье у веков —
Покоя хочется — они
Предупреждают снова нас
Без слов
В грядущее смотря...

Взгляд

Притягивает светом, огоньком,

Забывать волнения пустые заставляет, —
Вы знаете, чей взгляд так окрыляет?

Как радует, ласкает душу он!
Любовь ответную и нежность вызывает, —
Вы знаете, чей взгляд так согревает?

Бездонная надежда, вера в нем,
О, как пронзительно он просит, умоляет, —
Вы знаете, чей взгляд так вопрошает?

Так знайте, Люди, луч надежд
К вам устремлен из чистых детских глаз,
И будущего свет глядит на нас...

Тетрадь жизни

Я слышал, есть у каждого тетрадь,
Куда записывают ангелы поступки —
Ведут учет, чтоб дни не растерять,
И все дела запишут без уступки.

Ошибки и грехи внесут в нее,
Разрушенное нами и заслуги.
На этом свете жизнь — полынь и мед.
Тетрадь судьбы листают наши руки.

Свершенные дела, как горы ценных руд.
На путь свой вышел я однажды —
Сам напишу свою тетрадь. Тот труд
Небесный ангел вынесет не каждый!..

* * *

Слез хочется — но ты давно не плачешь,
Петь хочется — но свет мелодий тает;
Как мотылек душа твоя витает —
Скажи, чего, чего ей не хватает?

Слез хочется — но ты давно не плачешь...
Зачем ты все рассказываешь птицам?
В июньском лесе тень твоя ютится,
В январском поле след твой серебрится...

Бредешь, желая жребия иного,
И в прошлое грядущее уходит...
Зачем судьба тебя по миру водит,
Как пасынка, ребенка неродного?..

* * *

Незримым стать на свете
Кто только не мечтал! —
Но папоротник в цвете
Никто не отыскал.

И сразу не узнаешь,
Кто друг тебе, кто враг:
Души не разгадаешь,
Неоднозначен знак.

Ведь столько душ коварных
Среди людей, чья ложь
С улыбкой лучезарной
Вонзает в спину нож!

Не поддались бы лисам,
Доверившись словам,
Когда бы чувства, мысли
Видны бы были нам.

Через леса и годы —
Мы продолжаем путь:
Ища цветок в природе,
Раскрыть способный души,
Чтоб глаз не обмануть...

* * *

Сердце дал тебе Бог и дыхание,
Создан ты быть души господином;
С каждым годом ясней понимание —
В том для радости мало причины.

Чем ее успокоить не знаешь:
Рвется, бьется плененною птицей.
Зазеваешься — дверцу настезь,
Мигом в пламя и опалится.

В дружбу втянет с нуждой, пороком
Лишь — свои утолить желания.
Но в итоге, представ перед Богом,
Отвечать не ее ли хозяину?

Вот и терпишь свою егозливую,
Утоляешь на прихоти жажду.
Зная, что недовольная жизнью,
Из меня она выйдет однажды...

Лик света

Не обманная маска из грима,
Не румяна, что сходят с лица;
Ты не встретишь его в магазине
И по благу не купишь с торца.

Никакими деньгами и силой
Невозможно к себе приручить;
Если б мощи немерено было! —

Зря не стоит тебе говорить.

Разве может лицо озариться,
Если смог ты кого очернить?
Беспользый ковыль серебрится...
Ведь не станешь его ты растить?

Где найти, не найдется ответа,
Не ломай головы, не ищи:
Ясный лик драгоценного света —
Он исходит из нашей души.

* * *

Уйти с земли — еще не смерть,
Пока живут нас помнящие люди.
Смерть не наступит, если не забудет
И будет жив хотя б один
Нас знавший человек...

Сабантуй

На лугах сабантуй разгорается,
в небесах
белой пеной кипят облака.
Перепархивают стайки,
прикрывая платочками тайны.
Ох уж эти с оглядкой секреты!
Первой лаской девичьей согреты.
Легче пуха, ну, право, пустяк.
Бровью подан ликующий знак —
и откликнулся голос гармонии,
только звук, ничего звука кроме.

Перекличка. Сердечная смута.
Свет березовый. Ласточки. Утро.

Круг зеленый.
Борьба вяжет петли,
крепче, жестче смыкая узлы.
Полотенца вспотеть успели.
А батыры так ревностно злы,
смуглокожие, как обнимаются,
но баран одному лишь достанется.

Хорошо! Ветер тихо веет,
лепестковый. Душица цветет.
Гири вскинув, джигит бронзовеет,
будто держит атлант небосвод.

А уж кони! За голенью голень,
за струною струна. Это — песнь!
Сколько весен промчалось в погоне
век за веком.

Где всадник — там весть.
Есть желание жить.
День взволнован,
ни остратки ему, ни узды.

И до краешка будет полон
к перелету мгновенной звезды.

Наша жизнь

Жизнь, ты журчанье родника в лесу,
Улыбка девичья, в зарницах дали,
Цветы, что держат в чашечках росу,
Весна, что каждый год нам крылья
дарит.

Найдет ли поколение мое
Бальзам для материнских ран отверстых,
Но павших продолжаем бытие,
Становимся на их святое место.

И даже смерти ледяных оков
Мы не страшимся на пути заветном,
Коль слышим глас
Из глубины веков
И будущее видим —
Там, за ветром!

Жизнь — песня матерей,
Ты ей внемли
И в хлебный дождь, и в бьющий
солнцем полдень.

Само существование Земли —
Вот наша жизнь;
И мы об этом помним.

Ночной полет

Вновь звезды встали надо мной,
Зовут куда-то душу,
И снова я обет земной,
Наверное, нарушу...

И притяжение Земли,
Сей камень преткновенья,
Я превозмог,
С меня сошли,
Как светлый дождь, —
Мгновенья.

Меня с поверхности земной
Теченьем ночи смыло,

И вот одни передо мной
Лохматые светила.

Остановились времена,
Когда я к звездам вышел;
И древних предков имена
В безмолвье я услышал.

И песню первую Земли
Мне звезды нашептали...

Нет, не пропали те в пыли,
Что жили и мечтали!

Я видел их,
Я ощущал
Забытой жизни лоно
И прошлое в себя вмещал
Легко и окрыленно.
И коль исчезну, то, звеня,
Мой путь укажут нити:
Ищите среди звезд меня,
Лишь среди звезд ищите!

Только мы

Гривой играет ветер,
На скачках рысак бежит —
Идет по океану времени
Волна по имени жизнь.

Вот и пришла к нам под окно —
В самое горячее место вечности.
Боясь вдохнуть, стою
Смотрю на мою эпоху, мой век.

Будущее еще не пробудилось,
В прошлом тишь.
Посреди океана времени
Лишь только мы и нам страшно.

Целиком, со всем что у них есть остались нам
Небо и земля, моря и горы...
В глаза нам заглядывают звезды,
Словно спрашивают: что вы со всем этим
сделаете?

Волна ударяет по нашим сердцам —
Мы в шумном веке, который называется жизнь:
Из вечности словно бы слышится эхо,
Неожиданная поддержка:
— Терпи-и-ите!

Последний конь

Пересказать ли этот сон,
томительный, тягучий...
По свету белому последний конь идет.
Спадает грива водопадом с кручи.

Лодыжки черные.
Затвор глухих ворот.
Он сед и стар, приюта не найдет.
Исчерпан день,
конечный в его жизни.
Еще роса свежа под чашами копыт.
Заржал, как пламя легкое
разбрызгал.
Взметен закат подпалиной копны.

За голосом его
степь без конца и края
лежит в метелках и цветах.
Порханьем пуха перекличка птах.
Конь не спешит.
Конь трудно умирает.

Да вытерпит ли сердце рядом
с болью,
когда вот так — в наклонку ковыли,
волна с волной гуляют
по раздолью,
гул табунов встает из-под земли.

Замри же, время! Возврати обратно
меня.
Как мост, последний зов коня.
В луга! Где ветру, солнцу
был я братом,
ловил уздечку, словно луч огня.
Верни! Под колокольчиковые
перезвоны,
под всплески обжигающие грив...
Откуда взялся сон?
Спустился с небосклона!
Глубокий вздох, невольный вскрик.

Бумажному листу

О белый лист! —
Мелодия моя
И песня, что еще не прозвучала, —
Уже устал, уже измучен я,
Но не найду заветного начала.

Далекий день иль будущий рассвет.

В тебе любовь или ненависть таится?
Прольешь ли счастья несказанный свет,
Иль в жизни будешь черною страницей?

Томлюсь от напряженной немоты,
Боюсь начать мелодии движенье, —
Мне чудится, что мигом вспыхнешь ты,
Почувствовав пера прикосновенье...

* * *

Меня учили: «Пусть молчат уста
О том, чего не знает береста.
Лишь правду говори!»
И взяв перо,
Я различаю злобу и добро,
Я следую совету —
Годы мчат —
Все важное, о чем нельзя молчать,
Останется в письме на бересте,
На белой и правдивой бересте...
О темный лес, похоже, ты, как я,
Задумался... о чем печаль твоя?
Не прошлых ли чумных веков следы
И ныне смотрят с черной бересты?
Чье счастье выгорало здесь дотла?
Чье сердце горечь и обида жгла?
О береста! Наверное, на ней
Такая весть, что в мире нет черней:
Что родина в огне — борись, джигит!
С тобою вместе береста горит...
Обуглилась...
Березы,
Мгла веков
И вас не пощадила — звон подков,
Тяжелый меч, и легкая стрела —
Напасть любая гибель вам несла...
И вам неведом сладостный покой,
Пока на свете льется кровь рекой...
А если б описать на бересте,
Всю боль народа и страданья те,
То не осталось бы в лесу берез,
Чтоб любоваться и жалеть до слез...

...Об этом трепет каждого листа,
Об этом говорит нам береста...

* * *

Когда стихи рождаются во мне,
Тогда среди обычных серых дней
Вдруг отступает будней суета:

Я полон странным ощущеньем весь —

Как будто я уже совсем не здесь —
Кричу, стучу в небесные врата...

Но то ли рано, то ли опоздал...
Войти — сочтут, должно быть, наглецом...
Века чужие сомкнуты в кольцо,
Чужая светит надо мной звезда...
Но если есть поэту что сказать,
То он имеет право сделать шаг —
Он, вечной правды воздухом дыша,
Эпох коварство сможет разгадать.
От правнуков сумеет отвести
Направленный на них жестокий меч...
Любовь всегда приходится беречь —
Измена вечно на ее пути.
Останешься лишь в прошлом — и пропал
Любовь твою тогда — ищи-свищи!
И правде нужен очень крепкий щит
Чтоб лжи не дать на свете править бал.

За веком век река времен течет,
Но гимн земли, что «Счастьем» наречен
На этот только может быть мотив!

Стучу, кричу в небесные врата —
Пусть голос мой они услышат там —
В веках грядущих, силы зла смутив.

Пусть цель святая светит нам во мгле,
И правда торжествует на земле!

Перо судьбы

Если бы я был пером судьбы,
Я бы так судьбу не написал...

Народная песня

И недра земель прозревает и горную высь,
Плохое, хорошее — пишет и пишет перо...
Чья воля его поместила меж злом и добром?
За что же сурово так с бедным пером обошлись?

Смеется сейчас человек... через час — он умрет...
Попробуй-ка быть провозвестником этой беды;
Наивен до слез до сих пор человеческий род —
Учи, закаляй их в стихиях огня и воды!

Плохое, хорошее — будто не слыша мольбы...
И как согласилось людские описывать дни?!
...Наверное, плачут бесстрашные перья судьбы
Пред тем как судьбу человека напишут они...

* * *

«Кыйгак-кыйгак, кыйгак-кыйгак!» —
«На юг» летят, летят — «домой»,

Макают крылья в облака
И пишут в выси голубой.

Из края в край стезя легла.
Что носите в своих сердцах?
Не кровь ли капает с крыла —
Багровый отсвет в облаках.

Стучится в душу чья-то весть —
Вдали гусиный тает крик;
Над головою — манускрипт,
Кто сможет мне его прочесть?!

Три состояния стихотворения

1. Стихотворение на снегу

Если, открыв страницу нового дня,
Я возьму в руки перо,
То окажется — уже давно за меня
Птицы все написали:
Снег и выпадать успел едва —
А там следы их лапок и крыльев,
Следы складываются (если умеешь читать)
в слова —

Птичья судьба на ладони...
А мы тоже птицы,
Вся разница — что у нас за плечами
нет крыльев;

Но твоя судьба не может измениться
Оттого, что у тебя нет крыльев.
Падают на землю снега ничком,
Дуют ветра, зиму сменяет лето.
Все мы
Словно птицы, которые идут пешком
По миру, по белому свету...
В час, когда праздновало свое торжество
Морозное декабрьское утро
Я прочел со снега, только и всего —
Стихотворение это — птичье.

2. Неоконченное стихотворение

Увядшая любовь — печаль забвения,
Жизнь, прерванная в лучшее мгновение,
Мелодия с подрезанными крыльями —
Стихотворение...

3. Последнее стихотворение

(Тысяча первое раскаяние)

За легкомысленные вирши
Как ни чихвостили меня!
Довольно!
С завтрашнего дня

Поэт стихов уже не пишет!
В последний раз — терпи бумага,
Я не из тех, кто никогда
От песен не уйдет ни шагу,
Поскольку больше ничего,
Для пропитанья своего
Он не умеет, господи!
Не для того рожала мать,
Чтоб жизнь единственную я
На причитания потратил!
Чтоб сын и сеять, и пахать
Умел — мечтала мать моя.
Ну, вот и хватит!
Пусть кто-нибудь теперь другой
Всю ночь колдует над строкой!
И если рифма невзначай
Возьмется мне утешить грусть,
Ее не стану привечать —
Ветра ее уносят пусть!
И лучше вовсе не писать
На языке родни своей,
Чем вдруг однажды услышать:
«Да, он совсем не соловей!
В стихах сиянье пустоты...»
Давай, мое стихотворенье,
Пока еще не пусто ты,
Расстанемся...

Стихотворение, написанное в грозу

Спугнув беспечный день, гроза
Вдруг небо рассекла.
Под звон окон не ты ли, честь,
Свой голос подала?

Не ты ли, правда, наконец,
Стереть решила в прах
Лукавство, разгулявшееся
В наших головах?

Не ты ли, месть, из ножен меч
Булатный извлекла
И дрожью подлых душ
Отозвалась на дрожь стекла?

Веками запертая в гроб,
Не ты ль вернулась, жизнь,
Решив исправить этот мир
И смерть заморозить?

Ошибся ль я, запутался,
Обидел ли кого?
Взывает ли ко мне сквозь тьму

Дух рода моего?

Пронесся кто-то в небесах,
Спугнув беспечный день,
Не покарал дерев, узнав,
Что их безгрешна тень,

Но и мольбам не внял твоим,
А прогремев грозой,
Сердца нам молнией обвил,
Как огненной лозой!

И ходит некто, вороша
Мой безрассудный век.
Ах, то не гром! Что ищет он?
Скажи мне, человек!

Молитва

Судьба, благодарю тебя
За то, что веры сокровенной
Не отняла. Душа моя
Всегда утешится в моление

И пусть не помню я молитв,
В стихах своих облегчу душу,
И если сможет, Бог простит
Мне то, что и теперь нарушу

Святой обряд, прочтя слова
Простые, что в душе пылают.
Прочтя, утешившись едва,
Их зачеркну и зарыдаю!

Вы скажете, что я смешон?
Смешон или нет — решайте сами:
Я вижу жизни сон,
А сердцем связан с небесами!

Не буду писать...

Откуда стих пришел мне в душу,
Как пишется — кто знает точно?
Писать не буду... Днем и ночью
Я буду шум Вселенной слушать.

Сливаясь с миром, слух настрою,
Добавлю голос в песню эту,
Что слышу сквозь метели вой?
Весенний дождь и ветер лета.

Порою, музыкой пропитан,
Творю легко за строчкой строчку —

От имени земли, тропинки,
Травинки каждой и листочка.

Порою так гнетет молчанье
Что от усталости устанешь,
Как будто и трава — в печали,
И вся земля — стерня пустая.

И ни убавить ничего мне,
И ни прибавить ни на волос,
Ведь даже муравей с пчелою
В словах моих имеют голос.

Что написать мне, где найдя?..
Не буду!.. Слушать интересней! —
На свой язык переводя
Весь мир, и красоту, и песню!

Колыбельная для лишенных колыбели

Ах, время ли теперь для чтения стихов?! —
Когда же поумнею я, несчастный, —
Такую жизнь прожил
И выбраться не смог
Из колыбели я своей злосчастной.

И вас я все стремлюсь утешить, укачать,
Ведь коль на чистоту — мы без приюта,
У каждого из нас бессонная душа
Мечтает, чтобы кто-то убаюкал...

Но кто утешит вас, кто на руки возьмет,
Ведь души ваши — что ребячья нежность:
Ласкаются они,
С тоской друг к другу льнут,
Кляня свою печаль и неутешность.

А коль на чистоту,
Ведь каждому из нас
Сегодня не хватает колыбели,
И камнем тянут вниз холодные сердца,
Сердца, что безвозвратно затвердели.

А я, глупец, стремлюсь утешить, укачать,
Укрыть вас тихой песнею уюта;
Я до сих пор не смог покинуть колыбель,
Но некому меня в ней убаюкать!

* * *

Поправляют перышки гуси у воды,
Досыта наплавались в старице они.
Станут белоснежными и пойдут, горды —
Свадьбы приближаются, радостные дни.

Ивы омовение в озере вершат,
Коврики молельные — кроны тополей.
Клин-перо по прописи неба прошуршал —
Пишет песнь прощальную стая журавлей.

Кто-то разглядит слова, кто-то подпоет,
А кому-то этот след — тонкая черта.
Прочитаешь, словно сам совершишь полет,
Нет желания летать, значит — не читай!

Да и мне свой карандаш лучше отложить,
Не взлететь до истины сквозь стекло окон.
Ведь не зря же говорят — прикуси язык,
Если рядом затянул песнь свою акын!..

Выйду-ка на улицу, к старице пойду —
Воздух там живительный — за волной волна,
Гуси белоснежные плавают в пруду,
Будет и моя душа радости полна.

Нужные слова

Айрату Арсланову

Просто так не дрожит тетива, и стрела не свистит...
Видно землю родную
Задела коварства стрела.
Раны родины — в сердце своем ощущает джигит.

Голос твой, вырываясь из клетки грудной, зазвучит:

Ты кричишь —
То ли песня, волнуясь, взлетит в небеса,
То ли стих из этого крика родится.
Знать, во все времена самой нужной мелодией сам
Стать мужчина стремится.

Из груди поднимается песня надрывная ввысь,
Вот чуть-чуть — и открытое пламя
из сердца взовьется.
Словно к небу взывает оно: «Отзовись, отзовись».
И — кто знает —
быть может, любимому сыну оно отзовется?!

Те, кто слышат — сильнее и крепче
становятся впредь,
Души их обретают святое уменье терпеть.

...Есть слова, чья огромная сила эпохе нужна —
Почему-то мужские сердца их рождают
во все времена...

* * *

Дорогу жизни преодолевая,
Лишь только раз возвысил голос я —
Одной из тех, что гнезда не свивают,
Бездомной птицей обернулся я.

О, сколько их на всей земле Господней,
Таких, как я, что выбились из сил?! —
И сколько слез людских вчера, сегодня
Они смахнули кончиками крыл!

Но за слезой крыло поспеть не может,
И я никак не справлюсь — весь в слезах...
Взлетают птицы,
Чтобы люди тоже
Могли душой оттаять в небесах.

Нигде гнезда вовеки не свивая,
О, неужели, Тенгри, проклят я?! —
Дорогу жизни преодолевая,
Теперь навечно здесь оставлен я...

Три примера...

Одни лишь для торговли рождены,
Другие — для разврата и гульбы,
Для третьих повеление судьбы —
Писать о том, что важно для страны.

С торгашеством встречался — и знаком,
Скажу тебе понятным языком:
Когда страну родную продаешь —
С ней и тебя за медный купят грош.

Споткнуться каждый может, спору нет.
Но сколько слов святых не говори,
Когда не сердце — страсть главней внутри —
Бессмысленен любой благой совет.

Писать и будет — кто писать рожден.
Для дел базарных не пригоден он.
И нагрешил все-то ничего,
А Газраил за горло взял его...

Всего лишь три примера...
Видишь ты —
Три разные судьбы сквозь них кричат!
О человек,
Веков превыше ты!
Но можешь, как мгновенье измельчать!

Цветок

У обочины печалится цветок.
Лепестки его — как отсветы зари.
— Для кого ты так зарделся, заалел?
Улыбнись, цветок, в глаза мне посмотри!

Очень трудная, наверно, жизнь твоя —
Ветер дунет — упадешь, того гляди.
Не горюй, повыше голову держи,
Дай, цветок, прижму тебя к своей груди.

Я не смог бы стать цветком...
Но посмотри —
Ведь душа моя цветов любых нежней —
Красоту твою навечно сохранит,
Светлым образом прекрасным будешь в ней...

...Шумом ветра посчитал мои слова —
Не услышал...
Не поверил мне цветок.
Не почувствовал, как в сердце у меня
Песней новою становится цветок.

* * *

Стих на свете существует,
Где-то бродит вдалеке.
Иногда, непостижимый,
Он пульсирует в виске.

Бог простит мою оплошность.
В том, возможно, нет греха,
Что религией мне стала
С детства музыка стиха.

Рифмовал я мысли, чувства,
И не знал еще о том,
Что коварный темный Иблис
Поджидает за стихом.

Кем бы ни был ты, лукавый.
Не сумеешь помешать,
Душу подарить народу
И стихи свои отдать.

* * *

Внимай и слезам, и радость-река
Пусть слышится в сердце твоём;
Для родины пой — и через века
Ты станешь ее соловьем.

На озере Лебязье

Памяти Хасана Туфана

Лебяжье озеро и белые березы.
И без Туфана первая весна.
Кукушка жалуется, плачет одиноко:
«Юк-юк, юк-юк, юк-юк!..» — твердит она.

Лебяжье озеро — цветы печальны в белом,
Стоят, полны утраты, как сиротки.
Им бабочки, как будто на прощанье
Ладони лепестков целуют робко.

Но в свете дня — тепло и свет Туфана.
В ветрах — его живет прикосновенье.
Поэтому душа весной находит
На озере Лебяжьем исцеленье.

Не для него такой уход из мира,
Не для него, не для него прощанье...
«Он не ушел! Юк-юк!» — твердит кукушка.
«Юк-юк!» — твердит, не веря в расставанье.

Струна

Памяти Загида Хабибуллина

Он будет вечно жить на свете,
Пока в душе народа жив.
Сегодня я струну заметил
На скрипке — новую, как жизнь...

Его душевная струна
Все чувства вобрала!
Соединила их она,
В тяжелый час звала.
И сердце билось в унисон —
так плакала струна.

Когда прощался с миром он,
Подобно «Тафтиляу»,
Уйти не смог... —
В сердцах людей
Струною воскрешен...

Когда поет Ильхам Шакиров

Предки мои, что остались в далекой дали,
Будто вернулись спросить, как живу на свете —
Соединила нас песни живая сила
Молча стою, пораженный свиданьем этим.

Воздух какого века волнует сердце,
Тайна какая звучит в дорогих созвучиях?..
Лейся, теки, моя песня, звучи, родная,
Ты — драгоценность земли нашей
самая лучшая.

Все забывая, слушаю свой народ я:
Даже печаль-тоску превратил он в песню.
Душу — огромной, века обнимать способной,
Сделал народ мой!
И музыкой полон весь я.

Встретились мы, поднявшись над временами,
В небе эпох на волшебном мосту мелодии;
Если сегодня способны услышать прошлое,
Значит, не зря в наше будущее уходим мы...

Шамиль Усманов

И ему это имя присвоил век —
Имя страшное, имя «душмана»,
И глядит нам в глаза сквозь жестокий навет
«Враг народа» Шамиль Усманов.

Окровавленных глаз не сводил он с сердец
И пером своим словно пронзал:
Коль не видят глаза, где герой, где подлец,
Для чего нам такие глаза?!

Да, он сам себя глаз своих зорких лишил,
В торжестве несгибаемой воли,
Чтоб не видеть, как нынче мы правды бежим,
Укрываясь в мирской юдоли.

Грех иметь нам глаза,
Коль не сможем вписать
То, что видел кровавый стержень,
Золотою строкой
В повесть славы земной,
Коль в народных сердцах не удержим

То, как звание «враг» получили сыны
И защитники нашей отчизны,
И едва ли их смерть искупить сможем мы
И эпоху от крови очистить.

Сможем мы лишь прочесть, как великий позор
Испытала, став жертвой обмана,
наша совесть и честь.

Испытующий взор
Устремил к нам
Шамиль Усманов...

Жизнь великих

Примет не счесть народных:
Смерть никого не чтит,
Не делят благородных
На мертвых и живых.

Пусть тянется погибель,
Мол, унесу за так —
Сердца людей великих
Спасает высота.

Они сильнее сильных,
Живее всех живых.
Все потому, что пыл их
В сердцах людей не стих.

А если и покинут
Наш мир, их смерть — не смерть.
В народе будет пламя
Великих дел гореть!

С книгой в руках

Священные книги на полках хранили,
На книгах стране присягали, клялись.
Чтоб веру обманами не очернили,
Кровавые реки нередко лились...

На книгу ладонь положив, присягаю,
Совру — промолчит терпеливый Коран.
Священная и никакая другая
Не выдержит этих невидимых ран.

Огромными кучами книги сжигали,
Стыдливо глаза отводя от огня,
И новые книги на свет изрыгали —
На каждой странице то чушь, то брехня.

К татарским и прочим националистам
Мы непримиримы, решительны мы!
Важнее извлечь с прилежанием истым
Татарскую литературу из тьмы...

Бездумно меняла страна алфавиты,
А книги терпели в пыли чердаков
И выжили!
Жаль, что поэты забыты,
Забиты в застенках эпохи оков.

На книгу ладонь положив, говорю я:
Все ваши деяния — это тщета,
Себя не обрести ни смеясь, ни горюя,
Коль в ваших сердцах пустота, нищета!

От книг ждать богатства —
Поверьте, без толку,
Без книг прозябать — бестолковой вдвойне.
...Священные книги хранили на полках,
На книгах клялись, присягали стране...

Гармошечка

Гармонисту Гали Землиханову

Гармонь, со спичечный размером коробок,
Он вынул из нагрудного кармана.
Народ подумал: «То-то посмеемся!
Веселый нам попался гармонист!»
Ну кто мог знать, что в ларчике узорном
Сокровище приют себе нашло?
Вот, набирая звук, она запела —
И онемел битком набитый зал:
Да это не гармонь!
Да это ж сердце —
Гляди, как бьется, как в руках дрожит,
В глазах суровых слезы вызывая!
Напев старинный весть издалека
Для нас несет, и плачет, и тоскует;
И как гармошка малая сумела
В себе такую бурю уместить?
Малышке вслед поди-ка сам попробуй!
Казалось: вот еще, еще немного,
И всех она с собою уведет,
Потом за ней с «Кара урман» в груди
Потянутся на родину джигиты
И вновь очаг угасший возгорится ...
Не рви нам сердца! Стой!..
...Народ вдруг ожил:
«Ну жару дал шутник! Всего-то ведь
Гармошечка — а душу растревожил...»

Раздумья

(Читая «Моабитскую тетрадь»)

...Но куда записать?
Так и умрут вместе со мною...

Муса Джалиль

Пройдя сквозь годы, и не ослабев
Биенье сердца вновь домой вернулось:
Способно всколыхнуть до глубины
Любую душу это возвращенье —
Приход поэта к нам.
Муса вернулся...
Но до сих пор его не могут песни
Попасть в тетради —
Нет для них страницы...
Я вздрогнул от испуга — неужели
И песни обезглавлены жестоко?!
Но нет... Они, поднявшись в небеса,
Ночь августа наполнили собою;
Так распахну сегодня окна настезь —
Пусть для ветров зари открыты будут!
И снова в руки я беру тетради —
В душе пустоты — не хватает песен;
А песни, может быть, сейчас тоскуют,

Как люди, что домой попасть не могут.
Тетрадь открыта и открыты окна,
Вдали, на горизонте, воздух розов, —
Вернутся незаписанные песни,
И на страницы неба, как в тетради
Запишутся они — за строчкой строчка.

Правде

У говорящего правду родни не бывает.

Пословица

Что ж — ну не будет так, значит, не будет родни,
А все равно говорят, говорят тебя люди.
Сколько веков за тебя умирали они,
Ведь без тебя все равно в мире жизни не будет.
Черную птицу, клюющую людям сердца,
Ты догнала, и вонзилась в нее, как стрела.
В годы, когда мы не знали бесправью конца
Ты распрявилась — ведь правда Тукая была.
Мы дождались — вот и к нам ты
приходишь теперь —

Многие, знаю, все так же боятся тебя —
Тихо и гладко сумели они без потерь
Дальше от бурь отсидеться, себя лишь любя.
Всем угодят, ублажат и родных и чужих —
Знают они, с кем дружить, чтоб пошло это впрок,
Вежливы, вкрадчивы речи негромкие их,
Только тебя не пускают они на порог.
Ты ведь жива, и пока не сложила крыла —
Что же ты узником бедным живешь взаперти?
Где твоя мощь, что раскалывать скалы могла?!
Чтоб за своих в этой мутной эпохе сойти,
Прячут тебя...
Да и сам я пока что не стал
Тем, кем хотел — значит,
жизнь мою надо менять!

Хватит! Пора — выходи! Я без правды устал —
Даже пускай от меня отречется родня...

Глупо стараться — известно давно наперед:
Как ни старайся, от правды укрыться нельзя,
Трусость и подлость вовек не прощает народ.
Словно ударит он — выскажет правду в глаза!

В ночи

Темнеют окна у кого-то
А у кого-то свет горит:
Там кто-то с ночью беспокойной
О чем-то важном говорит.

И от ночей, тягучих, длинных
И мысли слепы и тихи.

А, может, скуку ты сжигаешь,
При свете лампочек глухих.

Среди ночей — пусть самых светлых —
Пощады от судьбы не жди.
Есть думы горькие и злые —
Они отравят сны твои.

Светает... Точно неизвестно
Откуда этот свет идет:
Среди ночи вдруг вспыхнет сердце
Огнем тревожным изойдет.

На празднике поэзии

Высокого слова тропа нас ведет,
И петь нам, и жить помогает.
И где бы ты ни был, она что ни год
К Тукаю тебя возвращает.

Пусть даже надолго надежда ушла,
Тепла не хватает и хлеба —
К стихам приникая, взмывает душа
Счастливою бабочкой в небо.

Полдневное солнце ли, хмурая тень, —
К Поэту приходят поэты,
И души светлеют у них в этот день...
А если души-то и нету?

Бездушному что же: стучать головой
О камень? Камней неостанет...
Любая душа да пребудет живой
В Поэта возрадившей Казани —

Лишь только бы в этой кипящей толпе
Мы пели, всем сердцем внимая
Традиции вечной, народа судьбе,
Крылатому духу Тукая.

Книга поэзии

По случаю выхода в свет антологии татарской поэзии

«Бисмилла» этой книге промолвили б древние,
Ей «Аминь» не грозит — путь на первой версте.
Пусть она сохранит нашу душу напевную,
Как скрижали, как грамоты на бересте.

Берестяные строчки несли сквозь столетия
Наш язык. Пусть березы сгорели давно,
Но на коже деревьев когда-то отметили
Предки то, что судьбой испытать нам дано.

Неспроста полегли земляки наши славные:
Кул Гали, Акмулла... Здесь имен и не счесть.
Не обманешь народ горькой лживой отравой,
Коль хранит береста его Славу и Честь.

«Бисмилла» этой книге промолвили б древние,
Хоть «Аминь» и далек, но идти-то должна
Сквозь пожары грядущие, боль многодневную,
Раз в такие она рождена времена.

Перед вихрем придется сгибаться березою,
Прижиматься к земле и молитву творить,
Чтоб Всевышний помог в эти годы морозные
Радость теплой поэзии людям дарить.

В этой книге стихи, словно песни народные,
Пусть она остается открытой всегда
Пред глазами эпохи, чтобы люди свободные
Шли с открытой душой сквозь миры и года.

Кул Гали

В преданиях народа своего ты жив
О Кул Гали, великий современник мой!
Из Булгара в Казань, сквозь время проложив
Свой путь, сроднился ты с историей самой.

И сколько потеряла в долгом том пути
Голов мужей великих нация моя?
Лишь память имена их вновь переместит
Из тех времен далеких в наши времена,
Чтоб ими освятить татарские края.

Ты утирал нам слезы, Кул Гали,
В истерзанных сердцах смягчал обиды грусть,
Когда отверженные от святых молитв
«Юсуфа книгу» мы учили наизусть.

Ты в этой книге доброй сохранил для нас
Обычаи, живую предков речь.
Юсуф и Зулейха с ее страниц сейчас
Потомков учат верность и любовь беречь.

О Кул Гали, великий современник мой,
Ты ни оставишь земляков своих в беде,
И если даже бросят нас в колодезь ледяной,
Не дашь нам утонуть в его лихой воде.

Тыходишь в каждый дом, пройдя через века,
Чтоб горести и боль с народом разделить,
И потому любовь к тебе так велика,

Что будешь ты всегда в душе татарской жить.

В поисках утраченной мелодии

(Поэма)

1

Вы слышите, опять в моих руках
Давно забытая гармонь поет...
Почти полжизни не играл...
Ну как
Забыть сумел я музыки полет,
Напевы пылкой юности моей?
Как смог прожить в колючей тишине
Так много-много беззаботных дней
Без милых перепевов при луне?
Так что же,
Значит, можно жить и так —
Не брать гармонь подолгу и не петь?
А все душевные терзания — пустяк —
Подольше спи,
Послаще ешь,
Покрепче пей...
Нас долго приучали «проживать»,
Расстраивать гармониям звукоряд,
Давали песни-жвачки пожевать...
Себя за слабость должно укорять —
Ну как я мог беспечно расплескать
Гармонию души, татарский мон?!*

Иду свою мелодию искать,
Не обойтись мне без тебя, гармонь!..

.....

Мелодий множество, но ни одну
Из них я не могу назвать родной —
Не трогают они души струну,
И не могу подпеть я ни одной.
Мучительно не подошли слова,
Мои слова...
Как жить мне, как терпеть?
К кому в телегу сядешь — есть молва —
Того и песни должен будешь петь.
Арба все дальше от святых камней,
Без веры задыхается страна.
Нет,
Не идет мелодия ко мне,
Молчит души ослабшая струна...
Возьму гармонь, поглажу, обниму,
Вот так бы и играл — и день и ночь,
Но что-то мне мешает, не пойму —
Устал от жизни, растерял всю мощь?

Протяжной песни деда моего,
Веселой песни моего отца
Мне не хватает более всего,
Вот так бы пел и пел их без конца!
А петь чужие песни — не по мне,
И не играет их гармонь моя...
Но зреет,
Бьется где-то в глубине
Моя мелодия, найти ее моля.
Начну играть, друзья,
Играть начну,
Межа порвутся, сердце ли мое,
Взлечу на небо ли,
Пойду ль ко дну —
Найду ее, друзья,
Найду ее!..

2

По клавишам порхают две руки —
Два легких мотылька.
Воспоминаний зыбкие круги
Плывут издалека.
Молитвы маминой напев звучит,
Священный шепоток.
Хотел наш бренный мир переучить
Ее, был глуп, жесток.
Ростки желаний на корню душил,
Не дав спокойно жить.
Эх, вот бы песню маминой души
На ноты положить...
Внимали б зачарованно леса
Священной песне той,
Очистились от скверны небеса,
И стала бы святой
Земля, и не осталось бы на ней
Ни горя, ни беды,
Была бы песня мне в пустыне дней
Глотком живой воды.
Единственная, словно солнца свет,
Была б для всей земли,
Ее бы по наследству как завет
Передавать смогли.
Куда пропала песнь, ушла куда,
Когда коснулось нас? —
Нехватку ощущаем лишь когда
Лихой нагрянет час.
Не трудно вырвать с корнем из судьбы
Терзаний прошлых крест,
Потерянное раз, потом, увы,
Так сложно вновь обрести.
Сыграл я много песен, но пока
Той, самой-самой — нет.

С гармонью вместе провожал закат,
И с ней встречал рассвет,
Измучился, но так и не сыграл
Песнь маминых молитв.
Не смог найти того, что потерял —
Душа моя болит!

3

Соскучилась по кнопочкам рука,
По музыке соскучилась душа,
Течет мелодий бурная река,
Воспоминаний заводь вороша.
Название первой песни, что сыграл
В далеком детстве — скрыто тиной лет.
Тогда, лишь раз услышав, подобрал...
Сыграть бы снова... хоть один куплет!
«Я выйду в поле, ветра посвищу —
Покосы просуши, развеи туман;
За что же напророчил злой вещун
Разлуку нам?» —
Так пели вы «Сарман»*,
Мои родные земляки, что я
Рыдал и слез душевных не скрывал,
Хотелось жить открыто, не таясь...
Но жизни вихрь ту песню оборвал.
Ведь и канат нетрудно разорвать,
Когда кромсаешь пряжи по одной...
Покосов наших сочная трава
Повысохла, друзья, давным-давно.
Давным-давно...
Но мы ведь — не трава,
И наши души сохнуть не должны!
И пусть в седых разводах голова,
Деревья жизни так же зелены!
Приснился мне лугов зеленый гул,
Где девушки водили хоровод
И пели песни про родной аул...
Немало лет с тех пор прошло...
И вот,
Вернула радость молодости мне
Гармонь-подружка, кнопки в два ряда...
Как пели о родимой стороне,
Казалось, не забудем никогда...
Забылось многое...
И много нас,
Таких, как я, не помнящих родства.
За что на нас наслали порчу-сглаз,
Из мести злобной или озорства?!

Живы-здоровы все, в домах — уют,
Завету предков лишь никто не внял —
На языке чужом теперь поют

Чужой мотив в татарских деревнях.
От песен тех душа — напополам...
Играй, гармошка!
Раззудись плечо!
Эх, выйти, свистнуть ветра по полям!
Играй, гармонь!
Надрывно!
Горячо!

4

Терзаюсь чем-то я с мальчишских лет,
Быть может, это зреет песня?
Но не родился ни один куплет,
Когда родится — неизвестно...
Я поднимаюсь ввысь, за облака,
Но что зовет,
Какая тяга
Удерживает?.. не пойму пока.
Не возвращаться бы,
Бродягой
По кромке неба да за горизонт
Уйти...
Но не дадут, вернешься...
Им выдать ложь за правду есть резон —
Поверишь и таким же обернешься.
Им мало, что пред ними спину гнут,
Еще и псов цепных приветствуй...
Лишь песню-птицу не бросай под кнут,
Храни ее от разных бедствий!
...Я с детских лет мелодию свою
Спасаю от клыков собачьих.
Икусан до крови — ее спою,
И над судьбой своей поплачу.
Душа не петь не сможет все равно,
И каждый ищет песню...
Или
Мы умерли бы без нее давно,
Иль рабски головы склонили.
Так пусть же переполнит песней грудь!
Споемте!
Мир не будет пресен!
Играй, гармонь!
Развей кручину-грусть!
Нам не прожить с тобой без песен!

5

Без песни жизни на земле не будет,
И нас с тобою песня околдует,
Гармонь, давно молчавшую, разбудит,
Священным ветром перемен подует.
Едва коснусь до кнопок, заиграю,

Мелодию так просто потерять,
 Но обрести ее — стократ трудней:
 Начнет струна фальшивая терзать —
 В судьбе твоей изгадит много дней!
 Играла, и не раз уже, она,
 Не дав фальшивой музыке пропасть,
 Под эту фальшь разграблена страна,
 Но мы терпели всякую напасть.
 А выпало немало разных бед —
 Досталось нам под горлышко, с лихвой.
 Порою даже денег на обед
 Не находил, хоть плач, друзья, хоть вой!
 Не верится, но что греха таить,
 И водкой приторговывали, чтоб
 Семью свою хоть как-то прокормить,
 Детей избавить чтоб от нищих торб!
 Фальшивили...

Дурачили народ,
 А он не понимал, что врет струна.
 А я, чудак, вершил переворот —
 Мол, с песнею поднимется страна...
 Как поступать с бедой народ уже
 Издревле знал — делил на всех беду...
 Кому сейчас спокойно на душе?
 Все ищут песню, но не все найдут...

.....
 Сегодня вновь гармонь в руках моих,
 И не сыграть нельзя, коль в руки взял.
 Одни звучат напевы в нас двоих,
 Моя душа вросла в ее металл.
 Волненьями охваченный дрожу,
 Гармонь в руках взволнованно дрожит!
 Беспесенной судьбой — не дорожу,
 И мне без песен — точно не прожить!
 Придут они к тому, кто жил трудом.
 Ищи, играй всем козням супротив!
 Гармонь приносит счастье-радость в дом...
 Но где найти для всей страны мотив?
 И кто сейчас живет спокойно, кто,
 Когда страна без песен чуть жива?
 Народ молчит...
 Поток безмолвных толп
 Идет-течет к всеядным жерновам...
 Похожи на забытую гармонь
 И мы живем, но дальше так — нельзя!
 Найдем же для страны напевный мон!
 Сыграем же без устали, друзья!..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*С околицы села, всего один лишь раз
Хотели взглядом горизонт объять;
Но вдаль умчало быстро нас,
Уже и крыши родимых не видать.
Меня за кончик памяти с тех пор
Мальчишка теребит, но никуда не деться:
Вернулись бы давно, да только на запор
Закреты изнутри ворота... детства!..*

Родник

Родник журчит,
перебирает струны.
Характер свой и песенка своя —
на гребнях солнца проносить
и луны,
ребенком среди трав смеясь.
Приникни в зной —
заломит холод зубы,
в мороз, покажется, тепла вода.
Он чист и свеж,
не замерзают звуки,
одна и та же плавится звезда.

Зима и лето... Грозы, перемены.
А вкус неизменяем никогда.
Бег удивителен, бег постепенный
сквозь тихо уходящие года.
И утоленье в нем...
Народ мой век за веком
вот так же мглу бессониц пролистал,
сияя светом, убеляясь снегом.
Не оскудела сердца чистота.

Луг

Над полями чуть зыблется марево.
Летним пламенем дышит луг.
Словно песни тихонечко
разговаривают,
ни словца не поймашь на слух.
Из глуби поднимаются звуки
и по стеблям взбираются вверх.
Чьи друг друга касаются руки,
чей томит убегающий смех?

Не ромашки — девичьи платочки
перебрасывает ветерок,
кружит голову, тайной морочит,

уговаривает под шумок.
Как стекло над цветами
колеблется,
свет зеркальный минувшей поры —
перебежки, мелькания, лепеты;
пьяный дух изнемогшей жары.
Возлетает, перемещается
жизнь былая и эта...
Сейчас
Кто со мной говорит?
кто прощается?
Чьи два зеркальца светятся глаз?

Ветер

Затянута деревня желтизной,
И ветер, постучав в мое окно,
Расплел березам косы, как шальной,
И мысли мне запутал заодно.

О ветер, ты в неистовстве своем
Смог памяти ворота распахнуть
И сердце в даль позвать, вскричав: «Пойдем!
Пусть песни нам укроют долгий путь!»

Быть может, этот робкий паренек,
Село оставив, поспешит во след
За нами... Пусть хоть на денек
Избавится он от тоски и бед.

Останутся деревья, как всегда,
Над золотом просыпанным стоять,
И сумочку холщевую тогда
В дорогу сыну подготовит мать.

И снова повторяет школьный класс:
«Л... листья, Д... деревня, осень — О...»
Беги мечта, беги и в детство нас
Верни!.. Что ж, что давно ушло оно.

Затянута деревня желтизной,
А ветер, по-разбойничьи свистя,
Монеты золотые вслед за мной
Швырнул. И мысли все летят, летят...

Запах яблок

Вот шлепаются яблоки на землю,
Струя над садом запах колдовской.
Осенним чудесам лишь тот не внемлет,
Кто жизнь приемлет, обнявшись с тоской.
Обманет, завлечет шутиха-осень
В сады ватагу озорных мальцов,

Что яблоки у сторожей не просит, —
Попробуйте, поймите сорванцов.
Ловил садовник старый и за уши
Таскал воришек говоря: «Прости,
Сынок, и старика послушай, —
Терпи и побыстрее подрасти...»
Вот шлепаются яблоки на землю
Их аромат прельщает малышей,
Любое наказание приемлют,
В блаженстве сладком им не до ушей.
В деревню вновь влечет меня тот запах
В ту пору золотую, в то вчера.
Пред будущим не ведаю я страха,
Но в сердце яблок стук по вечерам.

Хлеб

С человеком рядом хлеб —
В поле и в пути.
И в жилище каждом хлеб
На столе лежит.

Старше всех он на земле,
Сколько ни живи,
Нет дороже, сколь добра
Ты не наживи.
Все терпенье стариков
В хлебушек вошло —
Нежность маленьких детей,
Матери тепло.

Путник вышел в дальний путь
Раннею весной.
Словно в землю залегло
Теплое зерно.

Осенние журавли

Неужто это те журавли,
Что прилетали в лето мое,
Тоску на крыльях вновь принесли,
Окрасив желтизною жнивье?

Курлыканье и шелесты крыл
Стократным эхом вьются вдали,
И души тех, кто вас не забыл,
Взлетят когда-то к вам, журавли.

Что это,
Дождик в солнечный день
Просыпался в ладони полей?
Нет, это крыльев легкая тень
И звень прощальных слез журавлей.

Ах, осень! Сквозь множество дней,
Сквозь сотни тысяч ливней, ветров
Ты провожала в путь журавлей,
Оставивших родительский кров.
Сердца у птиц, не зная оков,
Стремятся к белизне облаков.

Старики на стогах

Просили испокон веков
Седобородых стариков
Навершия стогов творить,
Чтоб не сумели разорить
Живую плоть покосных трав
Дожди и ветры, разорвав
Укладов родовую нить.
Хоть взвилась не одна пурга
Над памятью о стариках,
Поныне вижу те стога
И вилы в жилистых руках,
И постаменты из травы
На фоне летней синевы.
Мчит время,
Ветры вдаль спешат,
Людские толпы мельтешат.
Ужели люди на селе
Забыли тех, кто на земле —
На их земле простой косой
Жал хлеб, встав с утренней росой?
Нет! Нет! Уж, если помню я,
То вспомнят и мои друзья,
Прочтя столбцы моих стихов
Про деревенских стариков
И войлок шляп широких их,
Что прячет взмах бровей седых.

Плакучие ивы

У околицы грустные ивы
Песню тянут свою терпеливо,
Ведро звякнут на полном ходу,
И чулка отзовется пугливо.

Вот тяжелый пастушеский кнут
Воздух Времени вмиг разрывает.
Понимает ли это аул —
Каждый звук его ивы питает.

И сердечная песня любви,
Тех егетов беспечное пламя —
Все-то слышится в шуме листвы,
Ватой белой лежит под ногами.

Тех, кто стал на чужбине земель,
Голоса вдруг слышались будто...
Ночь настала. Забылся аул,
Затаился аул на минуту.

Листья падают, словно ища
Не в пространстве, во времени что-то...
Оживают прошедшие дни,
Возвращаются прежние годы.

Песни вечные тихо звучат,
Как лелеют их ветра порывы!..
Как хранители жизней былых,
Возвышаются вечные ивы...

Деревня. Вечернее кладбище

Односельчане, пухом вам Земля...
Не близко вы и все ж не за горами...
На кладбище стою, вокруг — поля.
Стою, склонивши голову пред вами.

Ну, хоть бы птаха голос подала,
Ни огонька, беззвездно в вышине.
Дыхание светло, гудит в висках,
Душа заныла в жуткой тишине.

Вот звуки, словно из глубин, идут:
Вечерних гульбищ долетает гам,
Косу, я слышу, кто-то отбивает —
Гигантские часы отсчет ведут —
Прислушиваясь, замираю сам.

Деревня манит, будто бы зовет —
Не за горами, но еще не близко:
Собаки лают... Жеребенок ржет...
Сквозь годы льется песня гармониста.

Я, с кладбища к деревне пробираясь,
Те годы рассекаю плотью всей.
На мне одежда вымокла, касаясь
Холодных рос на хлебной полосе.

Осень

Уже деревьев кроны в алом ситце...
Укрывшись серых тучек вереницей,
Сегодня плачет солнце одиноко...
Как выдержать могли б здесь дольше птицы?

В лесах — опавших листьев вихри кружатся,

От пыли перьев, пуха — небо вьюжится.
Среди провисших петель проводов
Гусей домашних перелет над улицей...

А за людьми, прощаться не желая,
Глазами поздних яблок наблюдает
Печально дочь земли желтоволосая...
Я песней путь ее сопровождаю...

* * *

В ласках твоих любовь материнская,
В нежности весен — тепло родное.
Кажется, только о нас твои мысли,
Нет и в ночи тебе сна и покоя.

Свежестью ветра и речек течением
Сквозь расстояния тянутся длани,
Ты и в морозы согрела б, наверное,
Если б твое долетело дыхание.

Где бы я ни был молитвой святою
В сердце звучишь ты, не переставая,
Матушки миленькой кровной сестрою
Стала ты мне, деревенька родная!..

Страна детства

Их улицы — ковер зеленый,
А воздух — облака.
Им навевают ветер крылья
Гигантского орла.

Не знает стылого обмана
Беспечная страна.
И зло сюда не проникает.
Она добру верна.

Живет по сказочным законам
Забавная страна.
Религией добра и света
Здесь жизнь освещена.

Здесь все равны, и все любимы.
Нет нищих и царей.
Но если ты страну покинешь,
То нет возврата к ней.

Луч света

*Молодой березе, которая выросла на месте
нашего дома в моей родной деревне*

Что ты бьешься? Что лепечешь?
Это ветер? Голос твой?
Что мне — радоваться встрече?
Или мучаться бедой?

Наше детство, наше время
Как во мне, в тебе течет?
И каких же мыслей семя
Нынче в плен тебя берет?

Как ты светишься приветно!
То снега тебя секли?
Или это души дедов
Были так же вот белы?

Как мы жили, что видали —
Знаешь нынче ты одна.
Ближним и неближним далям
Только ты теперь видна.

О береза! Луч восхода,
Свет и радость ты несешь!
Ты — из жизни, из народа,
Ты из времени растешь!

* * *

Ярче яркого — что же яркое самое,
В чьих огнях столько яркого света?
В лес заведите с завязанными глазами —
Отовсюду я вижу сторонку эту.
Я оставил однажды порог, но потом, замерзая,
Сотни раз возвращалась душа отогреться:
Теплее теплого? — Что теплое самое
Почувствовал я сквозь долгие-долгие месяцы.
Добрее доброго — что же доброе самое? —
Раскрывает объятя, что бы мы ни содеяли:
Больше уже ничего и не надо. Главное —
Возвратиться бы и припасть к земле ее...

Такие поэты...

В моем ауле есть поэты,
Что никогда не рифмовали.
За урожай сражались летом,
Зимой саночки катали.

Их не ругал себе в охоту
Редактор рифмой небогатой.
Стихами их была работа,
Стук молотка и звон лопаты.

В чужой карман — такие люди! —
Никто из них не лез за словом.
Как сказанут — так не забудешь
Богатства яркого такого.

Подхалимажей неизменных

И обхождения не знали,
Зато они косили сено,
Как будто шелком вышивали.

Мечтой и радостью Вселенной
Сердца живые их согреты.
Да, нет у них стихотворений,
Но все равно они поэты!

Ржаное поле

С ветрами лето прилетело —
Июнь дворов наполнил соты...
Раскрыв объятия до предела,
Ворота в поле ждут кого-то...
Вперегонки — волнами — рожь,
Сама с собою до межи —
Зеленая по полю дрожь
Бежит-бежит-бежит-бежит.
И невесомых насекомых,
Жонглируя, легко бросает —
Над полем дымкой зависает
Кузнечиков народ знакомый.
Мгновенье будоражит душу,
И хочется волной укрыться —
Как можно вытерпеть на суше! —
До горизонта море длится!
Мы думаем — решаем сами,
И будто в море, в жизнь ныряем:
Нет, не кузнечиками — нами
Ржаное поле здесь играет!
Однажды детство нас уносит
Волной зеленою из дома —
Остаться где оно попросит?
Подарит берегу какому?
...Года идут за летом лето,
Открытые стоят ворота,
Стоят, вопросом без ответа,
Их, позабыв, оставил кто-то...

Шумит ржаное поле жизни...

Колыбель

О колыбель, в родном краю,
Тот голос: «Баюшки-баю!»
Из детства дальнего не мне ль
Ты веешь в сердце, колыбель!

Как раскачала ты меня
Возле родимого огня!
И деревенское тепло
Волшебнo в жилы мне вткло.

О колыбель, душа моя,
С тобою словно птица я.
А то — лежу,
И надо мной
Тот голос, нежный и родной.
И от него в наплывах дней
Мой голос собственный сильней.
А у печали на краю вновь слышу:
«Баюшки-баю...»

Песня веретена

В твоих руках поет веретено,
А за окошком снежно и темно;
Поет оно — и никуда не деться
От песенки, что увлекает в детство.

Я вспоминаю давние года,
Тогда была ты, мама, молода,
Но трещинки уже на пальцах были,
И так же в наши окна вихри били.
Мы, ребятишки, не глядим в окно,
А слушаем твое веретено;
Буря свистит,
Но не дрожим мы в страхе —
С веретена нам будет по рубахе!

Холщовая рубаха так тепла,
А ведь из пальцев ниточкой текла!
Душа постигла:
Праздник входит в дом
Не просто так,
А следом за трудом;
И, песенка души моей,
Она
Сошла в меня с того веретена.
Ах как же мне сейчас отрадно, мама,
Глядеть, как нитка тянется упрямо,
И хоть буря, и окна подо льдом,
Но светлый праздник
Тихо входит в дом.

* * *

Нам в детстве все вокруг казалось далеко:
Ворота в поле, что с ветрами бьются,
«За тридевять земель» соседнее село —
Нам не дойти туда, тем более — вернуться.
Хотели подрасти скорее мы и вот
Не долго думали, отыскивая средство:
В один прекрасный день ползком из-под ворот
«На животах» скатились с горки детства.

С околицы села всего один лишь раз
Хотели взглядом горизонт объять;
Но в даль умчало быстро нас —
Уже и крыш родимых не видать.
Меня за кончик памяти с тех пор
Мальчишка теребит, но никуда не деться:
Вернулись бы давно, да только на запор
Закрыты изнутри ворота... детства!

* * *

И сдержанность бывает тяжела,
Когда тисками скорби грудь сдавило.
Печаль, что девяносто лет жила,
Из сердца вытянув, деревня хоронила.

По небосклону к Мекке-Медине,
Крича, проплыли гуси над селом.
Тепло, копившееся девяносто лет,
Сегодня за околицу ушло.

А следом тронулись поля, леса...
Пустых на кладбище не оставляя мест;
Шли юноши, мужая на глазах,
Средь осени заполнившей окрест;

Стонали вьюги девяносто зим,
Ручьям весенним не было числа...
Все это на плечах своих мужчин
В последний путь деревня пронесла.

Хоть вытянуть из сердца и смогла —
Не отдала в объятья Газраила:
Мелодию, что девяносто лет жила,
Деревня в памяти народной схоронила.

Деревенские старики

То печаль или алое небо?
Разгорелся закат вдоль реки...
У ворот терпеливо и немо
Что-то слушают старики.
Верно, в душах их тихое пенье
Заплетенных монетами кос,
Верно также любви цветенье
В пролетевшие жизни вплелось.
Иль тоскливый трезвон колоколец —
Не догнать их усталым мечтам,
Ах, куда пронеслась эта конница
По родным и знакомым местам?
Словно сладкое воспоминанье,
Кто-то точит косу —
«На покос!»

Одинокой косы рыданье
Над деревней как встарь разнеслось.
Старцы слушают.
Долгие годы
Вновь теснятся у их ворот...
И они вновь и вновь с тревогой
Проживают за годом год.
Верно, есть в вечерах мотивы,
Что лишь старым сердцам слышны,
Словно грезящим сон о жизни
Под баюканье тишины.

* * *

Ах, было бы средство на свете
Унять эту злую кручину!
Как птиц перелетных ветер
Мчит в сторону светлой Отчизны,

Одной лишь молитвою дышит
Вкусивший чужого хлеба.
Тот жив лишь наполовину,
Кто жив без родного неба.

Пусть будут и солнце, и ветры —
Как жить без родного света?
Ах, обнять бы земную ширь,
И заплакать от всей души.

Сквозь годы и сквозь океаны,
Отыщет, пусть лишь ненадолго,
Душа, перелетная птица,
К родному гнезду дорогу.

У тех, кого в этой жизни
Пленили чужие страны,
Огромная как Отчизна
Зияет на сердце рана.

* * *

Стайками взмыли птицы,
Пролетели над жизнью, —
Рассеялись...
В каких закоулках мира
Мне искать их теперь? Развеялись
Их следы в небесах — растаяли.
Так недолго побыв со мною,
Унесли журавли печальные,
Мое детство укрыв зимою.
Ах, в каких облаках их услышу?
Смелых ласточек рой крылатый,
Свили гнезда под нашей крышей,
Ровно пять их, как нас когда-то...

Что вы видели в этом небе,
О которое чайки бились?
Лишь они знали тайную негу
Той поры, когда мы влюбились.
Вы мои соловьи и лебеди,
Мои жаворонки проворные,
Кто еще кроме вас умеет
Разгадать эти тропы горные?
Взмыли стайками
Месяцы, годы,
А над жизнью метут метели.
Где же вы —
Мои милые птицы,
Ах, куда же вы улетели!

А-а-ау!..

*Памяти тети Нурдиды,
сын которой погиб на поле боя*

Ягодная пора.
Полон лес — старики, детвора...
Вдруг я слышу глухое «А-а-ау» —
Крик отчаянный брошен в траву,
Рвется крик, плачет сердце в лесу,
Лес горячую копит росу,
Где склонится над ягодой мать,
Где начнет тихо плакать и звать.
Сердце нежное слышит ответ —
Как ядром прорвало толщу лет,
И вдохнув ослепительный свет,
Отозвался ей сын тихим эхом:
«Ма-а-ма!» — голос любимый кричит...
Как ей раны твои залечить?
Как найдет тебя верная мать?
Под каким из листочков искать?
Чаша ягод лесных полна.
На полянке покой обрета,
Алой ягодой в темный лес
Возвратится твое дитя.
На поляне и стар и млад,
Нынче ягодный урожай,
Только сердце все плачет в лесу,
Лес, ты сжался, не обижай!
Сердце нежное сына зовет,
Лес вздыхает глухим «Ау!»
Где склонится над ягодой мать,
Где начнет тихо плакать и звать.

Зов

Знать не дано, тоска была ли то, судьба ли.
Кто песней теплое воспоминанье вызвал?
Ах, где же вы, куда же все вы подевались,

Случалась где болезнь, так сразу к ней
Спешили люди за лекарством нужным.
И в круговерти теплых летних дней
Зима плясала вместе с ветром южным.

В уютном доме бабушки Алмы
Найдешь душицу, мяту и шиповник.
Спроси ее про жизни этой смысл,
Заветы предков чтит она и помнит.

И не стесняйся, если допоздна
Задержишься. В саду ее просторном
Отведай яблок, чтоб суметь познать
Чарующий вкус щедрости народной!

Как счет годам не знает Мать-земля,
Так времени и возраста не зная,
В деревне каждой бабушка Алма
Живет, и вся деревня процветает.

Я ветерком порою проношусь
По грустным тихим улочкам былого,
Где в каждом доме бабушка Алма
Меня встречает нежно у порога.

Сотворение мира

Мир создан Богом, говорят.
Им обеспечен лад и ряд...
Быть может, так...
Путей не измерял.
Но кажется,
мой дом началом мира стал,
его порог окрасила заря.

Дул ветер издавна, привычно дул.
Вода текла. Шла жизнь и шла.
Но матери лицо —
морщины горьких дум —
жизнь прежде дел насущных обрела.
Потом — картошка, змейка кожуры
из-под ножа,
над ней отец.
Игрушки...ведра...грабли...топоры...
и — улица, амбары и дворы...
калитки крылышко открытой,
наконец —
все раньше было,
чтобы первым быть!
Так плакали, так голосили...
Мальцов голодных
мог ли Бог забыть!

А птицы позже воспарили
синью —
и жаворонок поднял
к солнцу нить.

Неполным бы остался мир,
когда б не огласился песьим лаем.
Промчались кони лугом, посмотри,
смеется в гривах первородно пламя.

Так по ступенькам...
Поле и леса. Не поскупился Бог —
и сотворил корову.
Телеге дал четыре колеса.
Восходу солнца — золота корону.
В овражке ключ шумит —
чистейшая слеза.

Я вижу. Быть иначе не могло.
Бог ничего, конечно, не напутал:
окинул небо беспросветной мглой,
чуть-чуть помедлил — засияло утро.

Однако не окончены дела.
На все, поди-ка, отыщи ответы.
Не поровну жизнь блага раздала:
кому — брильянт, кому —
лишь горстка света.

И скорбных похоронок череда
не обрывается. Винить ли Бога?
В колодце дней вода на дне
черна.
Не всякая дороженька полога.
Мир создан Богом, говорят...

Осеннее приглашение

Осенних листьев запах от земли,
Привычный вкус прощанья и прощенья,
И стаи птички в голубой дали —
В небесную дорогу приглашенье.

Летят они от сел и городов,
Перекликаясь — или оклика
Не всякого, кто слышит этот зов,
А только тех, в ком сердце замирает.

Вползает вечер, как туман стелясь, —
Мечты мои туманны оттого ли?
Я со скалы готов в поток упасть
Души девичьей, будто из неволи

Спаستись. Но ничему доверья нет
У нас, в земной обители тревожной...
Куда бежать
И где искать ответ —
Как сделать невозможное возможным?

Ручеек

Твой грустный светел взор, и в серебре виски,
И старость тихая от дома далека,
И как живут в родной деревне земляки,
Ты слышишь разве иногда от ветерка.

За горизонт глядишь ли, где весна твоя
И где с серпом бежишь по лугу в ранний час,
Где послан намазлык, и алая заря
Глядит, как ты, мечты полна, творишь намаз?

Лишь о терпенье просишь небо нынче ты.
Но чаша через край течет — и ты не можешь
Слезы сдержать...

И вновь, как в зной кувшин воды,
Былой напев хранишь, сродни молитве той же.

Уходит время, но жива душа в тебе,
Слаба она, но путь себе всегда проложит...
На ручеек, что заперт в каменной трубе,
Сама того не зная, ты похожа.

Душа деревни

(Поэма)

Все время думы были о другом —
Свобода слова, что ни напиши!
Застряла в горле, словно горький ком,
Сдавила, словно хочет задушить.
Она как будто только и ждала,
Когда возьму перо свое в тиши...
Пред кем исполнить долг пора пришла?
Кто нынче просит, требует: «Пиши!»?
Да разве можно не узнать ее?!
Моя деревня — горький в горле ком...
Бывало, ездил повидать ее —

Живых почти не светится окон...
Детишек нет... Беззвучны вечера...
Лишь старики здороваться идут...
Без нас жила вчера, позавчера...
Что с нею было? Что случилось тут?
«Деревня» говорили мы, «аул»,
На самом деле позабыв о ней...
О, кто нас так жестоко обманул?
Проклятья чьи нам застыт радость дней?

Вот горечь в горле — узнаю с тоской —
Как не узнать?! — внимаю, чуть дыша.
...Найдя меня в квартире городской,
Со мной деревни говорит душа.
Как мама много лет тому назад,
Бывало, письма диктовала мне,
Она в былом остановила взгляд,
И завешание диктует мне...

Она вошла в сознание легко,
И не был удивителен приход:
Не в первый раз. Хоть мы и далеко,
Она-то помнит. Помнит нас и ждет.
Лекарством от простуды и тоски —
Сухой душицей пахнет за версту.
И связанные матерью носки
В себе ее таили теплоту.
В карманах письма девичьи храня,
Тайком читали в день по многу раз —
И в них она жила, к себе маня...
Душа деревни не забыла нас.

Все знала:
Как гуляли в узких брюках,
И в модные ходили в рестораны.
Любили нас девчонки в мини-юбках,
И танцевали твист мы —
танец странный...
Как быстро «городскими» стали мы!
Деревня к нам
Тянулась все равно.
Не узнавала...
Знала ли, что мы
Стеснялись признавать ее родной?
А может быть
Щадила нашу гордость,
Хотя сама и плакала тайком...
А мы, освоив неприступный город,
И знать не знали
Ни о чем таком.

Но по какой бы ни одеты моде,
Душа деревни в нас была жива —
Мы все скучали по ее природе,
Нам грезилась зеленая трава...
Увидел я, когда туда вернулся —
В ней прежнего осталось очень мало...
В который раз я прошлым обманулся:
Душа деревни —
Что теперь с ней стало?..
А мы переезжали в города.
Свои деревни позабыть спеша,
Откуда же мы знать могли тогда,
Что у простой деревни

Есть душа?..
Без паспорта сбежав куда не весть —
За счастьем на чужбину укатя,
Не знали,
Что несчастье тоже здесь —
Что ты всегда теряешь, обрета.
Пусть мы не деревенские уже,
Но городской вовек не стать душе...
Как не учи, а человек, увы,
Не может прыгнуть выше головы.
Душа деревни в нас всегда живет,
Не заставляйте плакать вы ее —
Туда свозите, где она поет,
Туда свозите, где земля ее.
Ведь сколько ты ее не утешай —
Ей ни к чему многоэтажный дом,
Она стремится лишь в родимый край,
Ей тесно в переулке городском.

Сердьясь на невезение свое,
Мать говорила горько иногда:
«Уеду из деревни — никогда
И в сторону не посмотрю ее!»
В другой же раз шептала:
«Никогда
Пусть слово горькое
Не принесет вреда...»
Потом жила в квартале городском,
Но чувствовала — зов непобедим —
И тысячу, не только раз один —
В ту сторону смотрела из окон.
И плакала беззвучно мать моя,
И чем же мог ее утешить я?..
Я и не знал, что в образе ее
Душа деревни нашей столько лет
Сквозь наши окна видит белый свет! —
Она смотрела, как рассвет встает...
Ах, мама, если б знала наперед,
Таких бы слов не говорила ты!
...И как деревня там теперь живет,
Когда очарованье и мечты,
И часть души ее томится здесь?..

Дома стояли, а теперь иначе —
Где люди жили, нынче пустыри...
Похожи на ослепшие от плача
Глаза.
А раньше, в тех домах, внутри —
Так много было и тепла и света...
И обходя руины и бурьяны,
Теперь я наконец-то понял: это
Мы сами нанесли деревне раны.
Да, мы по одиночке уезжали,

Покинув отчий дом порой осенней,
А оказалось — не одни сбежали —
И будущих лишили поколений
Деревню нашу... словно мать родную
Оставили и канули куда-то.
Причину можно не искать иную —
Мы сами, только сами виноваты.
От слез деревня, словно мать ослепла,
И вот теперь полна тоски и пепла.
Судьбу ее извечную наруша,
Мы сами унесли деревни душу...

Цветы веками по лугам росли,
Мы их с собой забрали, увезли.
Не зная, что там, в стороне чужой,
С собою и язык забрали свой.
Забрали, но смогли ли уберечь
Свои цветы, свою родную речь?
Теперь как о Тукае рассказать
Ребенку своему не знает мать.
На школьных подоконниках стоят
Цветы — должно хватать бы света им,
Но и они тоску в себе таят,
По тем лугам, по тем садам родным...
Их аромат и нежность лепестков
Все поколения в сердцах несли...
Родной язык — он раньше был таков,
Что ревновать бы соловьи могли...
Забрали...
Только ни одной души
Не тронет облик их, для нас родной —
И облеченный властью не спешит
За них замолвить слово
Хоть одно...
Мы собирались вместе — и минут
Хватило нам, чтоб на века понять:
Чтоб мог чужой цветок бутон поднять,
Вокруг бутонов наших сотни мнут...
И долго ли удастся нам беречь
Цветы свои, свою родную речь?
Давно б засохли, бедные, они —
Душа деревни души их хранит...

Меж деревень, что нынче в мире есть,
Как наша тоже можно отыскать —
Но как же уберечься им, Бог весть,
Как умудриться душу не отдать...
Губил свою деревню каждый сам —
И не хотел никто в беде помочь...
Выходишь на луга — а в небесах
И жаворонкам петь уже невмочь.
Стрепечет стрекоза, ручей звенит
Уже не ликоваьем, а мольбой —

Все видят, слышат, чувствуют они,
Хоть беззащитны пред своей судьбой.

.....

И о природе вновь я говорю,
Хотя кому есть дело до нее...

Чужую душу отворю.

.....

Бывало, душам на полях,
Теперь и огород великоват...

Когда увидят, что сосед богат.

.....

Ворота на запор спешат скорей,
Туда-сюда и черт не проскользнет.
Закончилась пора гостей, друзей,
О праздниках почти забыл народ.
Какое время нынче настает...
Деревня, сердце бьется ли твое?

На всю деревню — лишь одна гармонь,
Зато из дома в дом ходила петь...

В дома ли только?

Песен тех огонь

В сердцах девичьих

Продолжал гореть.

И память старцев берегла она.

Не пропускала праздник ни один,

Звучала и в дыму лихих годин,

И свадебный мотив вела она.

Не осталось, наверно, тайн,

которых она не знала —

Ничего не скрывала деревня.

Не скрывала...

А теперь кому же расскажет

Печаль — ЗАРЫН, что у нее на душе.

Гармонь ушла с молодежью.

Словно тальник без соловья, деревня

Тихонько входит в вечера.

Многое повидала.

Но такое положение,

Наверно, она и в мыслях не допускала.

Без гармонии — деревня совсем другая,

Ночи кажутся зловещими, дома сиротливыми;

Души остались бессловесными: тайны сердца

Кто может высказать так, как это делала гармонь?

Праздники тоже потеряли прелесть,

Значит, это гармонь поднимала настроение;

Если хочешь, чтобы деревня осиротела,

Достаточно оставить ее без мелодии.

Бродя по чужбине, говорят, и гармонь уже
Теперь стала бессловесной (онемела).
Как ни старается, не выходит, оказывается, у нее
Мелодия дорогая деревенской душе...

И холода не смогли удержать,
И ливни тоже не были преградой —
Чтобы бегать за необходимыми
Раньше в деревнях был базар.
С раннего утра, волоча телегу или санки,
Сколько раз я ходил с матерью.
Не забудешь —
Дорогу, где носом своим лед,
Животом своим снега рассекал...
Купить особо чего-либо нет возможности,
Нам всего-то нужно полпуда муки.
Не задерживаясь, поворачиваем назад,
Уплатив пятнадцатидневную зарплату.
Нельзя было ломаться оттого,
что судьба сжимала,

Мы уже стали каменными.
Волоча арбу с дальних базаров,
Для шести душ мы возили жизнь.
Многие ждали своих выходных —
Базар был полон народа;
В ту пору свой завтрашний день
Можно было купить на базаре...
...В деревнях теперь уже нет базаров.
Зная это, все же иду туда.
Не за мукой уже — ее хватает,
Одиноко, тоскуя по родной земле,

МОНГА БАРАМ.

Возьму я, хоть и нет у меня арбы,
Нагружу, сколько уместится в душе —
Если только успею донести
Оставшимся сегодня в мире МОНСЫЗ.

В поисках белого счастья ушли мы...
Обманули мечты, я знаю это.
Окунулись в городской чад
Белоснежной душой моей деревни.
В то время, когда эпоха в копоти,
Как можно самому остаться белым —
Искреннюю душу от черной клеветы
Как можно уберечь?
Гуси-то вон с крыльями,
А почернели хоть и белоснежные.
Только виноватые остались чистыми —
К сильным грязь не прилипает...

Где только нет души деревни,
Она рассыпалась во все стороны.
Односельчане постоянно уходят —

Она как ребенок, не отстает от них.
 Уходя, смотрит, развернувшись,
 Печально ходит по вокзалам;
 Если по осени забредет в лес —
 Становится лесом и будто бы горит этот лес —
 Это она взывает к нам о помощи,
 Поднимается в небо и кричит
 истошным голосом;

Неужели так велик наш грех? —
 Кто-то диких гусей приносит в жертву...
 Мечется в бессердечных руках,
 Бьется душа моей деревни;
 Ты ведь был ее крыльями,
 Почему же ты так отворотился?!

.....
 Стремишься все куда-то, рвешься,
 Душа твоей деревни в небо тянет.
 Когда свалится на твою голову, то понимаешь:
 Почему дорога птиц в родные края?
 КАКТЫРМЫЙЧА-СУКТЫРМЫЙЧА только
 Носить, оберегая, нелегко ее...
 ...Самому себе места не нахожу —
 Куда девать тебя, душа деревни?!

Весенние думы

Село — на нищенских паях,
 Свербига горькая — в полях,
 Кукушки-невидимки — в тополях.
 Из тысяч птиц они одни
 Считают будущие дни,
 Концы с концами сводят нам они...

Надежды мы не потеряв,
 Живем, не скис наш гордый нрав,
 Хоть кисло-горький вкус у наших трав.
 Весна растопит снежный гнет,
 Весна друзей моих вернет,
 Весной растает в сердце горький лед.

Кукует пташечка, она
 Соединяет времена...
 Скажи мне, кем же ты сотворена?
 Тебе самой-то сколько лет?
 Сумеешь точный дать ответ?
 Судьбу мою предскажешь или нет?

В ответ — ветвей тревожный хруст —
 Тяжел эпох прошедших груз,
 На каждом древе — вековая грусть.
 Бурлит, течет еще пока

Судьбы прегорькая река.
Свербига-то...
Свербига-то не так уж и горька!

Взаперти

Сестренке Альфиш

Закрыла мама двери за собой,
Мы взаперти — ребята и ягнята.
(Они ведь нам ровесники с тобой,
И даже кто постарше непонятно.)

По-нашему они не говорят,
Зато умеют по дому носиться,
И барабанят в лад и невпопад
По половицам звонкие копытца.

Они бегут, и ты им вслед беги,
Они кричат, и ты кричи вдогонку,
Чуток задремлешь — уши береги:
Им ухо что пустышка для ребенка.

Они на шум гурьбой летят скорей,
И дверь бодают, и на месте кружат, —
Но хоть ты лоб о дерево разбей,
Ни им, ни нам не выбраться наружу.

Но вот пришла хозяйка — и тотчас
Вся малышня к мамашам-овцам мчится...
Их хор нестройный в памяти сейчас
Магнитофонной пленкою хранится.

Они кричат, они играть хотят,
Они глядят сквозь времени течение
И видят в нас все тех же пострелят,
Товарищей по играм в заточенье...
О, как бывает помощь нам нужна —
Как тем давнишним запертым ребятам.
Но мама не откроет нам — она
В краю таком, откуда нет возврата.

Не надо слез, сестренка. Лучше спой,
Пока еще с тобою нам поется.
И может быть, не звуком, но душой
Она на песню нашу отзовется.

Васильки

Колосья ржи привет прошелестят —
И скатится слезинка невпопад
Мне по щеке, лишь только выйду в поле.

Там мамин серп давно осиротел.
Там я мальчишкой лето просвистел
Под старым вязом, у реки, на воле.

Среди колосьев спелых васильки
Под дуновеньем клонят стебельки;
Припоминаю мигом все названья.
Когда-то и подумать я не мог,
Что в день урочный скромный василек
Мне будет означать воспоминанья.

А поле с ветром шепчется опять.
Когда б не он — ну кто бы приласкать
Сюда пришел цветочки полевые?
Желтеющей кивая головой,
Как будто делят грусть мою со мной
Цветы мои, друзья мои бывшие...

Сенокос

В знакомый путь шагаю я с утра —
На старый луг, где все кругом в росе,
Где свежим сеном пахнут вечера, —
И хорошо ладоням на косе.

А руки не состарились ничуть
И не забыли ничего, пожалуй.
Вот ворот расстегну — и заточу
Я острое, как в юности бывало.

Все Расскажи, земля, мне; песню спой
О девушках, что нынче на чужбине...
Со времени кору сниму косой,
Век воротив, что нету и в помине.

Все тот же лес, отцовские луга,
Где я босым мальчонкою носился.
В траве густой, как будто жемчуга,
Сияют мне приветливо росинки.

Косьба же, как и встарь, себе верна:
Пот градом льет и валит с ног усталость.
И ничего, что есть на мне вина, —
Тех, кто упал, у нас жалеют малость...

Пройду покос, и заново косу
Точить возьмусь, и полегчает сразу.
Я эту землю в памяти несу,
Я с нею словно пуповиной связан.

Мы плод ее, мы плоть и кровь ее,
Мы то, что ей желалось и мечталось,
Но время беспощадно разнесло
По далям нас...
А сердце здесь осталось.
В траве ль бывшее, в памяти ль живет —

На самом дне ты различишь любую
Жемчужину... Но не нырнешь, как тот
Ловец удачи, в бездну голубую.

...Травинкой проверяю острый край —
Могу тревоги запросто прогнать я.
Спасенье наше — милый отчий край,
Земли родимой крепкое объятье.

От печки

Танцор от печки танцевать идет,
Я как подсказку это принимаю.
Когда карандаша напрасно ждет
Мой лист бумажный — город покидаю

И падаю в зеленую траву
Далеких лет... И сердце оживает,
И вновь ко мне — во сне ли, наяву —
Приходит слово, что вдали мерцает.

В родимый край спешу за разом раз —
К его зиме, и осени, и лету.
Хотя, признаться, у меня сейчас
В моей деревне печки-то и нету.

Но я пляшу — под дальнюю гармонию,
Повозки скрип и сполохи рассвета...
Зажженный в детстве негасим огонь,
Пускай не в очаге — в душе поэта.

Вьюга

Зимний вечер спать ложится,
На дворе темным-темно.
Мальчуган один стучится
Мне в замерзшее окно.

Смотрит, шапку поправляет;
А выходишь из дверей —
Только вьюга и гуляет
Вдоль по улице моей.

Или в сердце эта вьюга,
Этот посвист и разбой?
До утра мальчишка другом
Ходит за руку со мной.

Детство прыгало с откоса,
За телегой мчалось вдаль.
Намотались на колеса
Не солома, так года.

Может быть, оно и свищет,
И стучится в поздний час —
Все друзей пропавших ищет,
Грустно вглядываясь в нас...

Ветер детства

Когда удушье в воздухе висит,
Дыханье сбито — есть одна отрада:
Летит к нам легкий
Ветер Нарасый,
Что урожай провеивал когда-то.

Взмывало ввысь пшеничное зерно,
Подброшено лопатой соседской.
Мои соседки...
Лишь в стихах давно
Они живут, светясь улыбкой детской.

Шыбыр-шыбыр — шуршит зерно с небес,
Я в шелухе от чуба до тетрадки,
Мне хорошо,
И счастье в мире есть,
И вечность впереди, и дом в порядке.

А Нарасый
Не постарел совсем,
И мы с тобою стариться не будем.
Он теплоту несет из детства всем
И верит,
Что она поможет людям.

Как будто там по-прежнему зерно
Провеивают, не подозревая,
Что мы не те,
И дом у нас вверх дном —
Ветра иные на дворе гуляют...

Конь в сердце

(Поэма)

Рядом с сердцем мужчины
В пути иль в бою
Билось издавна верное сердце коня.
Конь джигита спасал
Из воды и огня,
И поныне ему люди славу поют.
Конь недаром
В народных преданьях живет,
И сегодня готовы по зову судьбы
Взмыть в седло сыновья,
Пальцы в гривы вплести

И пуститься в полет, если честь позовет.
Без свободы народ, что очаг без огня,
Честь мужчины всегда
Познается в седле.
Если мы на коне —
Не страшна нам беда.
Пусть же кони пасутся на нашей земле!

Где-то жалобно ржет одинокий скакун,
Стук копыт по стерне
Будит память мою,
Гонит мыслей моих беспокойный табун.
Чей же конь заблудился
В ночном ковыле?
Кто тебя потерял,
Что ты бродишь вокруг,
Как тебя обуздать
И владельцу вернуть?
Может, рок свой кляня,
Бродит рядом твой друг.
Как же он без коня
Вновь продолжит свой путь?
Чей скакун ржет в степи и зовет он кого?
Эй, джигит, усмири сердца гордого дрожь!
Может, голос услышишь коня своего
Да из песен моих вновь его заберешь...

Эх, хотелось бы мне, иногда хоть промчась
На горячем коне над обманной судьбой,
Чтобы имя «Ир-ат»* жизнь батыра собой
Оправдало, как гордую древнюю связь.
Коллективным тяглом без коней тащим воз.
Да и где же их взять в безлошадной стране? —
Увели скакунов по пороше в колхоз,
А хозяев угнали в Сибирь по весне.
Половина крестьянской души отмерла.
Как считать половинками душ мужиков?
Легче вырвать остатки, изгнав из села
Тех, кто вырос свободным под цокот подков.
Слышно ржанье сирот из конюшен сырых,
Что породу в игреневых бывших искать?
Кони вымрут во-первых, а мы — во-вторых,
Коль позволили нами легко понукать,
И поводья державы отдали тому,
Кто про упряжь и сбрую видал только сны.
Коль склоняем главу перед тем, кто во тьму
Повергает страну, — мы лишимся страны. . .

Сначала лошадь увели,
Потом
Врагом тебя представив пред народом,
Полезли в сердце,

Чтобы в нем перстом
Убить коня, что в памяти...
И сходу
В душе конюшню возжелав создать
Без иноходца, просто так, сортирно,
Все измарать и, как навоз, измять,
Потом сгрести, засыпать тихо-мирно
Опилками следы подков лихих...
А мужики из дальних мест вернулись,
Не все, конечно, да и души в них,
Хоть не загнули,
Но так перевернулись,
Что им теперь не до коней лихих.

Да им теперь совсем не до коней,
Им все равно, в какие сели сани
Или в арбу хромую (шут бы с ней),
В ту, что везет седой ишак с усами.

Чужую песню мы давно поем,
Почти совсем забыв свою родную,
Чужой язык щербатым ртом жуем,
Свой прикусить на долгий век рискуя...
Теперь мужчины стали говорить
О лошадях, нет — лошадиных силах,
Мечтать о «Волгах», денежки варить,
А сердца стук в кармане загасили.
Да пропади ты пропадом, страна,
С твоими недрами, лесами и конями!
Ты лишь для толщины нужна
Тех кошелей, что никогда корнями
В родную почву вновь не прорастут,
Не омываясь родниками Веры.
А что до истины, — ее сметут
Вина потоки, что текут без меры.

Так как же без коней остались мы?
Кто держит взаперти их, как в остроге?
Ведь наши предки даже от сумы
Кормили их всегда, хоть сами ноги
Протягивали. А когда война
Глаза героев покрывала тенью,
Коней вставала крепкая стена,
Врагов не подпуская на мгновение
К себе, как будто чувствуя, что те
Коня не носят в опустевшем сердце,
А в имени «Ир-ат» на их версте
Горит лишь росчерк их поганой смерти.
Зачем коней безмозглых, коль для них
Всегда найдутся кости, как собакам?
Быть мертвым просто и среди живых:
Лишь совесть потерял, — ты с этим знаком.
Чтоб опуститься, кони не нужны.

Исчезнет совесть — и конец народу!
О скакунах напомнят только сны,
Что не вернут ни счастье, ни свободу.
Но вновь мужчины с именем «Ир-ат»
Придут с прекрасным скакуном
В огромном сердце,
Не будет никаких для них преград,
Высот недостижимых, вы поверьте!
Придут!

Случалось в юности и мне коней искать.
Терялись часто, после находились,
А этим удалось сквозь годы ускакать.
Умчались, в сизой дымке испарились,
Лишь ржанье где-то в дальнем далеке
Усиливает от разлуки горечь.
Скользит рассвета строчка по реке,
Увы, табун лихой укрыла полночь.
Но вспоминаю каждого из них —
Сироты-кони — каждого жалею.
Недавно жили вы в сердцах мужских,
А нынче вдруг сердца осиротели.
Как может в сердце у Сибая жить
Скакун, когда льет клевету хозяин?
А конь Гаты в неволе мог бы быть,
Как сам Гата? Не мог — мы это знаем.
А конь Сабира-правдолюбца как
Остаться в сердце простодушном
Смог бы,
Когда спился обоганный простак,
А после был в собраниях задолбан?
Сабир начальству правдой насолил,
Его за то в отместку и сломали,
Несправедливость он вином залил.
Таких Сабиров много сотен знали.
Эх, кони, кони! Жаль, конечно, их,
Но жалость больше я таю к мужчинам,
В сердцах которых нету вороных,
Буланых нет, других коней былинных.
Навек остаться пешим нелегко,
О четырех ногах и то споткнуться можно,
Без чести не уедешь далеко —
Честь, как опора! Жизнь без чести ложна.
Булаты, Амиржаны и Нажипы!
Ах, если бы в сердцах у вас всегда
Скакали кони вольные — не «джипы»,
Вы чести б не роняли никогда!
И все-таки надеюсь, что в народе
Батыров честных больше, чем лжецов.
Изгоним из своих семей уродов,
А вот в сердца вернем коней отцов!

...Темный лес, чернота невмочь.

Чтоб пройти, нужен верный конь...

Песня-конь эту страшную ночь
Нам поможет сейчас превозмочь.
Коль в стране не осталось коней,
Им замену найдем в песнях мы.
Из беды и нужды черных дней
Выйдем с песнями, как из тьмы.
Но неужто лишь в трудный час
Песня нам для спасенья нужна?
Что-то мало поют у нас,
Отговоркой тому — «времена»
Или «рок», или «призрачный мир»
Раньше пели мы без вина,
И давно уж не конь кумир
У мужчин, что дошли до «дна».
Заливает по горло хмель,
Не до песен и не до стихов,
А бессвязный язык пустомель
Хром, как ноги коня без подков.
Как мы сбились с пути отцов,
Заблудились в «своих временах»?
Эх, поймать бы коней-молодцов
И взлететь бы скорей в стремя!

Окрыленный любовью своей,
Словно сокол, летел батыр.
Кони белые, скольких людей
Вы умчали в счастливый мир?
Сколько судеб соединив,
Через годы их пронесли,
Чистоту нежных чувств
Сохранив,
Не сломав и не обронив?
Через степи издалека
Мчатъ готов ты на зов огня,
Но узда у любви узка,
Очень трудно взнуздать коня.
Крепко к холке прижми седло,
Не сумеешь объездить, знай, —
Навсегда ускользнет, как стекло,
Так же счастье не прозевай!
Конь не только приветы дарил.
От Туфанов Луизам, он жизнь
Полюбивших без укоризн
Крепко-накрепко соединил.
Кони счастья нас в рай несут,
Если любишь — скорей их зови,
Но на шеи коням любви
Ты не силься надеть хомут!

Жизнь без коня темна.

Страдает, чуть дыша,

Порой без скакуна
И женская душа.
Осиротев, скорбит,
Пришла нужда-печаль —
Любимый конь убит —
Начало всех начал.
Колхозный горький труд,
Хозяйство, скот, холсты —
В затяжках жестких пут,
Все выдержала ты.
Не всякий богатырь
Такое б смог снести,
Раскинув руки вширь,
Свалился б он в пути.
Терпенье б матерей —
Да нашим мужикам,
Поводья всех коней
Им приросли б к рукам.
Но муха тронет нас
Тонюсеньким крылом,
Заноем в тот же час
За кухонным столом.
Виним эпоху мы,
Твердим, как тяжка жизнь.
Текут потоки тьмы
От наших укоризн.
...Хожу среди мужчин,
Не находя мужчин,
Средь жалоб и кручин
Угас мужицкий чин.
Неужто рождены
Мы только для жены?!

Впрягали летним днем
Мы в сани жеребца,
Чтоб уничтожить в нем
Дух воли до конца.
Откуда знать могли,
Что так же может быть
Сынам родной земли
Придется воз влачить?
Как лошадей подчас,
Впрягут нас — мы везем,
Стреножат к ночи нас,
Бредем, траву грызем.
О женщина! Скажи!
Дарила роду ты
Сынов своей мечты,
Чтоб выросли мужи,
Что зова предков ждут,
Чтоб вмиг взлететь в седло,
Пока не запрягут
В арбу их, как ослов?

Сорвав остатки пут,
Пусть мчатся на майдан,
Туда, где братья ждут.
Тот путь им Богом дан.

Что за мужчина без коня —
Коня, что совестью зовут?
Жить без него нельзя и дня,
Но многие всю жизнь живут.
Мог жеребенка в сердце ты
Впустить давно, и аргамак
В нем жил бы чудной красоты.
Коль носишь имя ты «Ир-ат»,
Почувствуй же в душе коня,
И он, прорвав кольцо преград,
Примчит, подковами звеня.
Не навсегда сбежал скакун,
Когда ты с именем таким.
Вернется через много лун
Он, сердцем позванный твоим.
Лишь честь в душе своей храня,
Вернуть сумеешь ты коня.

* * *

Согревают их дыханьем,
И под крылышко берут —
В теплом сердце материнском
Вечно птенчики живут!

Друг за дружкой, год за годом
Отправляют их в полет,
С материнскою молитвой,
От беды и от невзгод.

Но однажды сиротеет
И пустеет вдруг жильё.
Наступает день осенний,
Небо грусть и слезы льёт.

Сердце всхлипывает тихо:
— В холод деткам тяжело... —
Вместе с ветром отправляет
Им последнее тепло...

В поднебесье вознесутся,
Или камнем упадут —
В теплом сердце материнском
Вечно птенчики живут...

* * *

Мама, что же в жизни этой
Ты гостила лишь мгновенье?

Нет, не гостьей — слухом, зреньем
Ты служила у планеты.

Знали б раньше — расспросили:
Что видала, что слыхала?
Тайный узел завязала
В сердце — и сошла в могилу.

Мой черед — настало время
Быть ушами и глазами
У Земли. Как ты слезами
Я давлюсь, рыдать не смея.

Слышу реквием и скерцо...
Вижу радость и страданья...
Очень трудно быть глазами
Человеческому сердцу...

Крик гуся

(Рассказ матери)

Ну вот, и с городом
как будто пообвыклась.
Ржавеют деревенские ключи.
Молюсь. Тревожусь.
Бог не выдаст,
Ночами слышу, гусь вдали кричит.
Гусыня пегая навеки там осталась.
Моя рука с ее крылом срослась.
Что расстаемся, как и догадалась:
весенней пеной белой понеслась,
роняя перья, пухом осыпаясь,
как дух небесный тихого села...

А плодovита как была,
другой в помине нету!
Гусятok нянчила, крылато охватив:
пушинками бы травы обнести,
как снегом!
В душе звучит мне дорогой мотив.

И... дом был полон гомона детишек.
Сама — гусыня, как смогла поднять
я каждого из-под соломы крыши
в потраву темную...
Я — однокрылая гусыня-мать!

Кричит как плачет пегая бедняжка,
зовет, судьбой заземлена.
В Казани день все видится
вчерашний,
всплывает он с неведомого dna.

Самой на голос отозваться, что ли!
Прервется разве долгая тоска.
Призыв разносит ветерками поле,
гусиным криком полнится река.
Тому уж лет пятнадцать,
больше-меньше.
Теперь услада только вспоминать,
как пестует гусят, как холит-нежит,
осиротевшая гусыня-мать.

Укор

О сколько в сердце
Совести уколов,
Ошибок сколько было на веку!
Однако самый строгий из укоров,
Как часовой,
Повсюду начеку.
Всегда, везде — и стоит оступиться,
Не выдержать борьбы, свалиться с ног,
Он тут как тут,
И будто в сердце спица —
Негромкий вздох печальный:
— Эх, сынок...
И коль пойду я не туда с весельем
Наигранным,
Судья моих дорог
Мне путь веселый преградит ущельем
Печального укора:
— Эх, сынок...
А если изменю святому — горы
Падут, вздымая камни и песок,
Под тяжестью вселенского укора,
Печального укора:
— Эх, сынок...

* * *

Ты перешла в другое измеренье —
Нежданно взрослость подошла...
Так скоро...
Несу тебя, качая в море скорбном,
И мысленно взываю о прощенье.

Тебя поднял, и все твои невзгоды
Связав узлом, взвалил себе на плечи.
Я полон сил отправится навстречу
Судьбе своей, сквозь месяцы и годы.

Во мне живет любви твоей безбрежность:
Я терпелив — а сколько ж ты терпела?!
А в песнях, что сыночку в детстве пела —
Вселенская вместилась грусть и нежность.

Родная, я несу тебя сквозь время —
В сыновнем сердце ты зимой и летом,
И если вдруг расстанусь с ношей этой —
Лишь перейдя в другое измеренье...

Баллада о столбах от ворот

*Моей матери — Бибидарри Ахметвалиевне
посвящается*

1

Наш старый двор и улицу весной
Будил скворчинный шепотной народ.
Он очищал удобный домик свой
В дупле столба, того, что для ворот
Поставлен был когда-то так давно,
Что многое порассказать бы мог,
Но голоса лесине не дано,
Стоит, замкнувши губы на замок.
Так почему же выбрали скворцы
Дубовый столб тот — может, оттого,
Что уходили деды и отцы
Под трели их из дома своего.

2

У хазрата сгорели дотла
Дом, хозяйство... Торчат лишь труба
От печи посредине села
Да два черных воротных столба.
В год, когда получил Указ,
Он избу сотворил на века;
Но сгорел целый мир, снялись с мест
Те, кто души лечил мужикам.
Вера опиумом названа,
Не нужны ни мулла, ни Алла
Без них обойдется страна.
Но народ не обидел седин:
Сход крестьянский добра не забыл,
Проявив уваженье к чалме,
Увезли старика в Янавыл,
Чтобы там он прижился к зиме.
Все сгорело, лишь пепел лежит
Белым снегом, где жил наш хазрат.
Что с собой ему взять, подскажи,
Подскажи ради Господа, брат!
Вот и взял от ворот он столбы —
Пригодятся для новой избы.

3

Даже если не будет избы
Снова срублено в избранный срок,

Как опора, сходятся столбы,
И беда не собьет тебя с ног.
Без хозяйства не жить на селе:
Без лошадки, коровки, овец.
Не поможет никто; коль себе
Не поверишь — наступит конец.
Только Вера фундамент всему,
Да простит нас Великий Аллах,
Пропустил ты намаз, но тому
Объяснение есть, — был в делах.
Дни и ночи гнул спинушку ты —
И тому подтвержденьем столбы,
Что и в саже остались чисты
Вопреки всем ожогам судьбы.

4

Все видали столбы у ворот:
То, как в новом селе беднота
«Кулаком» старика обзовет
И прогонит в чужие места,
Как бездельник войдет в его дом,
Как он пустит бездумно в распыл
Все, что нажито честным трудом,
Как очаг без присмотра остыл.
И еще повидали столбы
«Белых», «красных», и ясно одно:
Всем в стенах этой тесной избы
Кров бездельник давал за вино.
От обиды взмолился хазрат:
«Неужели не видишь, Аллах,
Как безбожники эти творят
Зло в своих нечестивых делах?
Что же Ты разрешил оскорблять
Стариков в их родимой стране?»
Знать, услышал Господь, коль к весне
Дом хазрату вернули опять...
Только черное имя «кулак»
На воротах оставило знак.

5

О столб, мой почерневший старый друг,
Ну отчего совсем ты не сгорел,
Когда от злобы, что выиграла вдруг,
Просыпалась над нами туча стрел?
Хоть много утекло с тех пор воды,
Но разрывают душу мне скворцы,
Напоминая дни былой беды
И дни, что наших новых бед творцы.
Ну как забыть страдания семьи
И взрослых дочерей твоих позор,
Хазрат, когда ученики твои
В дому твоём устроили разор?

Скажи, как смыть кулацкое клеймо
С детей твоих, хоть умер ты давно?
В колхозе правит пьяница-лентяй.
Брюзга последний,
Мерзостный слюнтяй,
Под флагом красным
Вдруг обрел почет
И трудодням ведет на счетах счет,
Не зная, сколько будет дважды два,
Осилив подпись в три креста едва.
А дочери-березоньки твои,
К столбам прижавшись,
Коротают дни.
Не зря с кипеньем цвета у берез
Столбы омыл поток девичьих слез.

6

А черные столбы стоят себе.
Что годы им? Крепки они пока.
И дочерям хазрата в их судьбе
Досталась ноша — ох, как не легка!
И света белого им видеть не дано,
И даже быть людьми запрещено.
Пришлось стать дочерям силой ломовой
В колхозной потогонке дармовой:
Одна пасла овец
Ну а сестра другая
В работе черной билась, как изгой.
При случае любом винили их
В том, что отец покойный был муллой.
И хоть в работе одна заменит и двоих,
Часть трудодней отобрано у них.
Могли прогнать полуголодных прочь.
Где правил страх, никто не мог помочь.

7

Но не откуда-то приходит жизнь,
Она сквозь створки этих вот ворот
Вошла в родимый двор без укоризн
С семьей второй сестры, и поворот
К добру произошел, и луч в окне
Зажегся в отчем доме по весне.
А старый столб уже как коновязь
(Да, много лет жил двор наш без коня).
Гордится столб, что не свалился в грязь,
Что стал опять опорой бытия.
И детвора на травке у ворот
Резвится в беготне и кувырках.
Но что ж так зашумел скворчинный род,
Коль их гнездо не трогают пока?
Быть может, это изнутри столба
Раздался вдруг звенящий скорбный звук,

Как будто чья-то страстная мольба
Шла из дупла, как отзвук прошлых мук?
Столбы, столбы — свидетели того,
Что спрятано в глубинах наших душ,
Пред вами пронесли не одного
К погосту. Точно так и муж
Ушел от нашей дорогой сестры
И от оравы малой детворы.
Одни лишь лапти с ног его сняла
И снова тонет в омуте нужды,
Ударилась о столб и обняла,
Чтоб снял с нее старик хоть часть беды.
О, как кричат в гнезде своем скворцы!

8

Жива печаль немолчная в дупле,
Что в старом, много видевшем столбе.
Упал бы человек, но на земле
Опору ищет он, назло судьбе.
Лишь страждущим опора та дана,
Опора эта Верой названа.
Вдова глотала слезы от обид,
Когда живешь одна, то их не счесть.
Пытались многие под бок подлезть,
И лоб о столб был не один разбит.
Столб чести женской крепко в землю врыт.
И пусть ушел навеки в мир иной
Любимый, — в сердце он, он не забыт
И в памяти ее всегда звучит:
«Тутекаем,
Как хорошо с тобой!»
Корили мужики отцом-муллой,
Но домогались,
Холя в душах месть.
Ну а столбы,
Храня хозяйки честь,
Все видят и скрывают под золой.

9

К воротам выходила часто ты,
Своих детей подросших провожая,
Когда, услышав зов своей мечты,
Те говорили: «Мама, уезжаю».
Что им ответишь? Мы, как и скворцы,
Прощаемся с окрепшими птенцами,
Они теперь своей судьбы творцы
И тоже станут мамами, отцами.
Да, улетают... Что же вы, скворцы,
Подняли гвалт такой
Над черными столбами?
Пора привыкнуть бы,
Не могут же птенцы

Навек остаться гнезд своих рабами.
И все ж тревожно матери всегда —
Чем старше дети, тем больней их беды.
Увы, не красят матерей года
И горе то, что им пришлось изведать.
Вновь опустело
Гнездышко в столбе,
А мать стоит,
Тая печаль в себе.

10

Много знают столбы от ворот.
Что ж увидеть им вновь суждено?
Счастье новое, горе сирот?
Угадать нам, увы, не дано.
Дети в город зовут навсегда.
Мать согласна, собраться спешит,
Вот уедет — исчезнет тогда
Из села прелесть чистой души.
Потому полдеревни к столбам
Вдруг пришли дочь муллы проводить,
Даже те, кто когда-то по лбам
Получали, ну что их судить.
От хазрата теперь никого
Не осталось в селе Яनावыл.
И, наверно, в дупле оттого
Ветер вдруг заунывно завыл,
А, быть может, сам столб
Застонал
От тоски неизбывной в ночи.
Если горя так много познал,
Дуб мореный и тот не смолчит?
А поутру пришла детвора,
Что-то там отыскала в траве
И, смеясь, унеслась со двора,
Растворясь, как скворцы в синеве.

11

Снова вспомнили мы о скворцах.
Прилетали, покуда столбы
Сохраняли нам память в сердцах.
Но забыт даже запах избы.
Повалились опоры ворот,
Раз уж нету нужды в них давно,
А веселый скворчинный народ
Прошлым летом примчал все равно.
Как им было, беднякам, узнать,
То, что Тутиляре их в земле,
Горько стали гнездо поминать
И к ночи улетели во мгле —
То ли в город хозяев искать,
(Только где ж их найдешь среди хором),

То ли в рощу по веткам скакать,
В дуплах брошенных вить новый дом.
Так и мечутся целые дни
Птицы в черных своих сюртучках,
Может, души
Умерших они,
Без молитвы ушедших во прах.
Редко кто в твердой Вере живет,
В душах к деньгам идет поворот,
Но когда всех нас Он призовет,
Не помогут столбы от ворот.

Когда возвращался в Муслюмово...

Мама милая!
Птицей невольной
Покидал я Муслюмово с болью,
Покидал я муслюмовцев с болью.
И свой фартук стеля на дорогу,
Ты читала намаз и просила,
Что б следы никогда не остыли,
И к родному вели бы порогу!

Мама милая!
Пламя жжет кровь!
Возвращаюсь в Муслюмово вновь,
Возвращаюсь к муслюмовцам вновь.
Память душу во сне разрывает:
Как со мною ты шла, вспоминаю...
И сейчас, словно за руку взяв,
Ты меня повела через явь.
В жизни верно одно направление:
Край родной; путь иной — заблужденье!

Мама милая!
Память земная —
Мне поет о муслюмовском крае,
Мне поет о муслюмовском крае,
Пропитавшись той верой святой.
И тепло твое, нежность, родная,
Твои радости, боль — ощущаю! —
Уходя лишь из жизни земной,
Ты ушла из родимого края...

На страже

...Идет заря к закату.
Я собираю звезды
В осеннем ясном небе —
Их охранять сегодня
Меня поставил мир.

Еще ребенком в это

Однажды я поверил.
Когда еще был с мамой,
Не так был одинок.

И мама охраняла
Все урожаи хлеба,
А я — на небе звезды:
Полярная, ты здесь?

Лежать на шелухе зерна,
В ночном осеннем небе
Считать на страже звезды
Забавно было мне!

Мне одному вон сколько
Снопов на небе звездных!
И ни одна над миром
Звезда не пропадет...

Заря идет к закату...
Я собираю звезды
В небесной синеве:
— Полярная на месте,
Медведица, ты здесь?!

И ни одна звездинка
На небе не пропала.
Вот только... свою маму...
И детство не сберег...

Мир, верно, по ошибке
Следить меня поставил.
Я в небе слышу маму:
— Пора домой, сынок,
Проснись!..

Возвращение к матери

Казалось, что на верном я пути,
Опять ошибся... Сбилась колея! —
Сквозь годы, мама, возвращаюсь я,
Иду к тебе — все не могу дойти.

Откуда детским душам распознать:
Что на земле и недруг есть и друг.
Нас вырвали из материнских рук —
Птенцов, еще не начавших летать.

Под крылышком и в дождь и в холода —
Твоими, мама, все же мы не стали.
Быть может для того нас и создали,
Скорбела чтоб душа твоя всегда.

Намаз читала, в помыслах чиста —
Занятиям твоим мы были чужды;
Мол, все чему ты учишь — и не нужно,
В чужих устах нам мнилась правота.

Своих детей не отдавай чужим,
Дай веру и дорогу им открой!
Как ужились под крышею одной
Две истины — Всевышний знал один.
И хоть народная молва гласит:
Что яблоко от яблони так близко...
На пушечный мы отлетели выстрел...
В пути обратном выбились из сил.

Сегодня дети сотен матерей
Как я — в пути.
Зовет родимый дом.
Навстречу, мама, выйди поскорей,
К дороге выйди, помаши платком...

Никто другой спасти нас не сумеет,
И может навсегда пропасть народ —
Коль он к своим истокам не придет,
Коль к матерям вернуться не успеет.

* * *

Слышу в ветрах осенних:
«Сыночек... моя кровиночка!..» —
Это береза — на кладбище...
Где ты, дитя. — Берестиночка?!
Где ты, в какой сторонushке?
Ветер не так ли суров?
Березе — судьба березовая:
Качаться по воле ветров!
Где б ни пустили корни,
Осиной береза не станет.
Береза — бедова головушка —
Не высвободится от тягот...
«Сыночек... моя кровиночка!..» —
Тебя я услышал, мама —
Словно лишь ветер меж нами.

Отчизны моей Берестиночки
В преддверии урагана.
В преддверии урагана...

Четки

Вечером долгим в четки нанизывала
Слезы Святой Девы Марии* —

...Не старайся что-то утаить,
Обо всех делах Творцу известно:
Слезы капают,

Не уместаясь в сердце!
Ты их тоже в долгий этот вечер
Ниточкой могла соединить...

Их, слезинок — девяносто девять...
Прикоснусь — и обжигаю руки,
Вслушиваюсь в переборов звуки —
Узнаю, как ты жила на свете.

Будто бы журчат...
Осенний ветер
Хлещется дождем об окна наши...
Только ты одна, похоже, знаешь:
Отчего в слезах мое столетие?

Их, слезинок — девяносто девять,
Затерявшихся среди столетий.
Мы адамовы земные дети
По наследству тянем четки эти...

Зеркало

(Поэма)

Воистину, богаче мы богатых:
Повсюду зеркала... блестя, сверкают.
Ужель душа — не выдержит минуты,
Не глядя на свое отображенье?
Повсюду зеркала — на двери, стены...
На потолок — и то их прикрепили.
Куда бы не пришел, везде встречают
Преследуют... сплошные зеркала.
Самих себя, насколько было сил,
Мы обернули в это зазеркалье...
Так много их...
Но в зеркале никак мы
Не видим, кто мы есть на самом деле.
Придирчивей разочек посмотреть бы —
Ведь сами мы... Мы все же существуем!
Какие есть — такими покажи нас,
Ты, зеркало! О... пусть не будет стыдно!

Распутывай! Не бойся! Слои за слоем.
Монета выйдет — будут и чулпы!
И зеркало — нашлось.
Однажды человек был поражен
Свое в воде увидев отраженье...
Ах... красота на свете с древних пор
Ценилась выше праздного богатства.
Был человек красив! Узнав свой облик
На серебре воды, он научился
Как сделать зеркало, чтобы постичь полнее
Всю красоту... Еще была нужда

В правдивом отражении, а также
И в белизне, смягчившей черноту...
Той ночью человек увидел солнце.
Храни же — зеркало своей души!
Пусть в нем найдут не деньги, не богатства,
А только красоту ...
Нуждались с древних пор,
И нынче нам они необходимы —
Те зеркала! Мы быть не научились
Правдивыми в глаза!
Смотри — душа-то солнца не коптит?
Да чернотой не пачкает ли землю?
И темным душам не запрещено —
Почаще, люди, в зеркало смотрите!

И у меня есть зеркало. Святое!
Наследие родительского дома...
К нему иду я... вглядываюсь долго.
К чему искать за тридевять земель:
Мне возвращается
Тепло родное, мои тревоги, радости мои...
Все ворошу!
Уже не в первый
И не в последний раз со мной такое:
Мне в прошлое окно отворено:
А кинешь взгляд — и все зальется светом.
Оттуда смотрит детство на меня...
Задумается, то вдруг засмеется...
Ах... жалко, что бывают только в сказках
Волшебные такие зеркала.
О, как же мы в неведеньи блаженны,
Не знали, что такое есть богатство
В своем-то доме! Ну а если б знали,
У зеркала хватило б волшебства
На нас?.. Текла перед глазами
Не сказка, а всамделишная жизнь.

«Вы счастливы!» — Нам говорил один!
«О, нет!»... Ему печально возразило
Зеркальное стекло... Едва сводили
Концы с концами мы. А матерей сердца
Огнем горели.
Счастье нужно! Нужно!
Не откликается!.. О, сколько не зови!
Не показало никогда улыбку
Нам зеркало взамен правдивых слез.
Ах, был бы жив отец — уж он нашел бы,
И не украли б резвого коня.
Но счастье... счастье с нами не считалось.
Какой там счет — для женщины без мужа...
«Вы счастливы!» — нам кто-то говорил.
И в правду ль мы?.. Иль, может, просто время
Наивных всех: свое мы счастье, выкрав,

Тащили на себе через кусты,
С соломою смешав. И черной зимней ночью —
Взвалили счастье напополам с ольхой...
Я до сих пор ищу по зеркалам,
Но моим сказкам чудным нет начала,
Как нет иным конца... А зеркало правдиво
И в те года со мной: не лгало — «Есть!», коль: «Нет!».
Сводили мы едва концы с концами.
И сердце материнское в огне...
Смотрелся я, — но вовсе не в простое —
Волшебного стал зеркала хозяин!
И мир, мной сотворенный, исправлял —
Возрев в него.
О зеркало!
Меня ты никогда не подводило.
Не называло чистым то лицо,
Что было в пятнах. Не дало свободу
И мне святую правду попирать.
И все-то мама пыль с него стирала...
То зеркало казалось ей подобным
Святой душе. О мамочка, твоя душа зеркальна...
Ах, поздно... поздно поняли мы все:
Ты нежно очищала наши души,
Стирала пыль. Дыханьем согревала осторожно...
О, зеркало бездонно!
Теперь уже
Лишь в зеркалах нам встречи суждены!..

Свет черный — тьмы времен,
Над светом солнца властный —
Чернил звезду. Разбили зеркала —
В них укрывалась правда. Без зеркал
Оставшись, Родина
Жестоко обманулась
Фальшивым светом черного светила;
Не снимет бельма с глаз:
И отнятые жизни — тьмы и тьмы —
Не отзовутся в ней.
Разбейся в доме зеркало простое —
И то грустишь: глаза теряют блеск.
Но если это зеркало теряет
Твоя страна — то, видно, быть беде.
Но волшебство в самом себе, наверно,
К чему искать за тридевять земель!
Свобода — зеркало!
О Родина! И что бы не случилось
Пусть не мрачнеет зеркало твое!

Давно известно: нечего пенять
На зеркало, когда кривая рожа...
Но мы в себе изъянов не искали,
Виня стекло во всех грехах своих.
Кто алкал денег, кто-то громкой славой...

Но будь ты здесь — прославленный «Герой»,
Там — зеркало не скроет,
Если в груди твоей
Мочала вместо сердца.
Что ж, сделали другие зеркала
Из ложных восхвалений.
Но такие —
Не могущие к правде возвратиться,
Остались на задворках «комнат смеха»,
Кривые подпевалы праздных бонз.
О, сколько мы красивых слов кричали!
Теперь — все в прах.
Все наши обещанья —
Однодневки!
Прочь от зеркал.
Когда ты безобразен —
Не хочется глядеться на себя.
Но если нынче в зеркало не взглянешь —
То как узнаешь ты, каков ты есть?
Пределы есть у отражений — что ж,
Исправили ошибки и довольно!
Хоть с тем — друг другу станем зеркалами!

Так много стало в мире беззеркальных,
Лишенных родовых своих святынь.
Поломанные души —
Других копят своею чернотой.
Такие — первым обвинят тебя же,
Облают слабых,
Сильным
Взлижут пятки.
И будучи такими —
Хотят казаться гордостью страны.
Стать надлежало б зеркалом для них —
Открыть им истинное их обличье.
Тогда у Родины в глазу соринкой
Столь долго не смогли бы быть они.
Пока еще себя мы узнаем.
Традиции, обычаи, язык
Пока храним — давайте же смотреться
Почаще в зеркало! — Кто нынче там кривится?
Посмотрим прямо!
Кто же мы?
Чего хотим мы? Как у нас дела?
Как прежде ли святые имена
Отцов и дедов чтим?
Не измельчали ль в суете времен,
В грязи испачкав души?
Живя... Мы не стыдимся ли порою
Вслух на родном общаться языке?
Нет своего лица, и слов-то не осталось.
Кого возрастим мы... Смену в ком искать?
На многое глаза позакрывали.

Какой же ил нам душу заволок?
Что в памяти храним?
В манкуртов ли
Еще не превратились?
Всмотритесь пристальней!
Все в зеркала!
Коль есть они у вас!

«Вот обернусь! Вот посмотрю назад!» —
Решишь, но нет: сгорела без остатка
История. Из марева годин —
Лишь в песнях живо — зеркало души
Приходит к нам.
Когда на весь твой род и твой народ,
На нацию посмотрят свысока,
Отдай им песнь... Из дедовых сердец
Мелодия святой души звучала.
Те, чья душа черна — не воспоют,
А светлые — не смогут жить без песни.
В их жилах с кровью — песня «Аллюки»,
Не станет варваром поющий песню эту.
Даже когда остались без земли,
Без Родины. И в это лихолетье
Мы не были без Веры. У святых
Могильных плит не возводили храмы
Вер иных — нет Веры по приказу!
Мы защищали правые дела
И только... Не воинствен наш народ!
Народ поет —
А песнь главу не срубит!
Сожгли историю, давно развеян пепел...
Но песнь осталась, не обожжена!
И сможет душу прадедов узреть
Любой, кто в это зеркало заглянет!

Бездонно зеркало.
Всплывают друг за другом
Неведомые лица, лица, лица...
Но сколько не смотри, ты к краю дум
Своих не выйдешь нынче. Погляди —
Не просто зеркало сейчас перед тобою,
Народа совесть, Родины твоей...
Так береги же, как зеницу ока!
И только кровью
Омыв своею — поглядишь в него!
Когда лицо все в пятнах — оттирай
Смотря на это зеркало. Не бойся!
Не просто так придумал человек,
Что зеркало необходимо душам.
Мы носим. Есть, наверное, и те,
Кто потерял свои, кто заблудился
В пучине лет. Остался беззеркален.
Приди же! Посмотри!

Познав касанье губ твоих,
Слова поют, как соловьи.

Лишь раз тебя поцеловал —
И соловьем отныне стал:
Пою — и мне семейство и
Внимает, листья опустив.

Какой волшбой и ворожкой,
Что сотворила ты со мной? —
Не знаю я...
Но без тебя
Быть человеком не смогу —
Вот это точно знаю я!

* * *

Красавица, что здесь забыла ты? —
Здесь никого — лишь травы да цветы...
И разве соловьи тоску твою
Как боль своих сердечных ран поют?

Бежала, чтоб страданье обогнать,
И трудно потому тебе дышать? —
Но, облик ветра нежного приняв,
Оно волною тронуло меня...

Красу твою восторженно хваля
Тебе рукоплескают тополя.
Бездушен или слеп — кто не любя,
Заставить смог так тосковать тебя!

...Любовь твоя молчит, за мной идя,
послушна, как безгрешное дитя.
Как вызволить ее, вернуть на свет
Из гущи тех моих прошедших лет...

* * *

Пишу слова на небесах —
Издалеку увидишь их.
Мерцая звездами в ночи
Мои раскроет тайны стих.
О сердце бедное, держись —
В ударе я: верлибр, сонет...
Ты солнышко! Вот ты взошла...
И все труды сошли на нет...

Где ты, гармонь?

Звенела гармонь, грустила гармонь,
Подлунные песни даря.
О чем-то своем напевала гармонь.
Печаль в ней и радость не зря.

Она по секрету поведала нам
О чьей-то горячей любви, —
Раскрыла всю тайну в деревне дворам.
Зачем же поешь о любви,

Забыв рассказать, что на этой земле
Влюбленные встретятся вновь?..
Открой по секрету, сыграй, не жалеи!
Да где же гармонь?
Где любовь?!

Вечерние окна

Стоит только раз один взглянуть,
И в вечернем свете утонуть —
Если встретишь нежный ясный взгляд
Девушек, что у окна стоят.

Словно это было волшебство —
Негасимых окон колдовство.
И в вечерних окнах ясный взгляд
Девушек, что у окна стоят!..

Если распахнут навстречу их
Тайным обещаниям-мечтам,
Загорится в сердце новый стих,
Солнце окон засияет там.

Словно песня, яркие огни,
Пламенеют, как цветы, они.
Если встретишь нежный ясный взгляд
Девушек, что у окна стоят!

Свет из окон льется далеко,
Раскрывает занавески жест легко.
И годами льется этот свет —
Данный окнами вечерними обет...

Будто что-то молвят-говорят,
Сеют счастье, как волшебный сад.
Ах, в вечерних окнах ясный взгляд
Девушек, что у окна стоят!

До ошибки...

Я в молодости девушку одну любил.
Она ушла, весну мою оставив.
Став письмами, в деревне слезы лил —
Ответа нет... Она моей не стала!
Скучаю я по давним временам,
По письмам юности своей тоскую...
По ненаписанным тогда словам;
Ни глаз ее, ни образа — такую

Не встретил я. Печален след ее:
Кто, от любви сбежав, бывает счастлив? —
Наверное, с тоской в душе живет...
Я сожалею: часть ли
Меня ушла, когда сберечь не смог
Ее от той досадной, злой дороги?
Наверное, и в ней живет упрек...
И право юности — иметь на нас упреки:
Кусая губы, косы разметав,
Льет слезы на чужой постели.
А я живу, ее не отыскав,
И вижу день разлуки сквозь метели.
Ах, если б мог я вспять все повернуть! —
Отрезал бы тот путь ее к чужому.
Те времена, увы, мне не вернуть.
Ту улицу, ведущую нас к дому...
По неслучившемуся горькая тоска;
Ни голоса, ни тени злой печали —
До той ошибки песнь была легка...

* * *

Страстью я зажег ночное пламя,
Не скупясь на теплые слова.
Только слово золотое, вижу сам я,
Не смогу открыть сегодня вам.

И стою растерян перед вами,
Не берусь утешить в этот час:
Одурманен милыми глазами,
Мне не верьте — обману я вас!..

* * *

Девушки вышли цветы собирать...
Кто сердца их может понять? —
Беззвучно вздрагивая, звенят
Синие колокольчики.

В девичьих руках колокольчик звенит,
О чем это звук тебе говорит? —
Один лишь раз легко прозвучит,
А слышишь его всю жизнь.

* * *

Ты говоришь,
Что сердце мое — камень...
Так вот на нем
Я имя выгравировал твое,
Чтобы жило — веками...

Красивым

Как щедро вас природа одарила —
В едином взгляде столько нежной силы...
Сердца влекутся к вам, чтоб стать рабами,

И головы царей склоняются перед вами.
Подарок нам — существование ваше,
Ведь с вами наши дни светлей и краше,
Осмысленнее жизнь и интересней,
Звучней и мелодичней наши песни.

Всегда тянуться будут к вам мечтами —
Вы кажетесь прекрасными цветами.
Но многие сорвать бы вас желали —
Поэтому легко вам жить едва ли...

Наверно, испытанием — не более —
Вам красота дана в земной юдоли.
Ведь это подвиг — чуда не наруша,
Хранить такой же безупречной душу.

Рябина

Рябина у дома стоит давно,
Краснеет, заглядывая в окно,
Сгибаясь, дрожа от дождя и ветра;
Не плачь, рябина, смелей живи —
Для девушек юных, что ждут любви,
Будь хранительницей секретов!

Весной и осенью, день за днем,
Склонившись ниже, ты слушай в чем
Сердца их хотят признаться.
Сама же ни утру, ни ветру зари,
О них ничего не говори —
Чужим нельзя догадаться!

Рябина у дома стоит давно,
Краснеет... Но почему — не дано
Знать никому в ауле.
Украдкой сгорая, стоят в огне...
То — девушки или рябины мне
Прощаясь, рукой махнули?..

* * *

Слова любви на камне выбили,
Но время разрушает камни...
А мы для этой цели сами
Того не зная, сердце выбрали.

Оно запомнит слово в слово —
В объятиях страстей кипящее,
Укутанное в грусть щемящую —
Надежней камня векового...

Время любви

Все по-другому стал воспринимать я:

Мальчишки-ветерки свои объятья
Раскрыли нежно тоненьким березкам —
Девчонкам, что накрашены неброско.

Волна, сердясь, на берег набегает —
Тальник ревнует
К соловьиной песне.
Кто кем любим, и кем пренебрегает
Вот в этот миг — кому, друзья, известно?

Как поцелуюм — капелькам открыты
Глаза цветов, дождем легко омыты...
Мы слушаем кукушки дальней пенье —
Язык любви, разлуки и терпенья.

Я думал, в небе жаворонок вьется —
Но, кажется, крылатым сердце стало.
В такую пору, знаю, остается
Сердец бескрылых в мире очень мало.

И мир преобразился и природа!
Красавица, не можешь ли ответить —
Скажи, у вас какое время года?
У нас — царит пора любви на свете...

* * *

Мальчишкой стоило мне повстречаться
С красивой женщиной — не мог я восхищаться,
Ее увидев, на себя сердился:
«Ну почему я раньше не родился?!».

Встречал красавиц, шли года все дальше —
Влюблялся раз взглянув, хоть были младше,
И снова сильно на себя сердился:
«Ну почему я позже не родился?!».

Как много женщин на земле прекрасных...
Но повстречав тебя, увидел ясно:
Не стоит больше на себя сердиться —
Ведь вовремя мне удалось родиться!

* * *

Не вторь в тоске ветрам опасным,
Мелодию ища, напрасно
Не мучайся в любви... Послушай —
И нынче все кричит кукушка.

И нынче белый свет моложе!
В который раз одно и то же
Напоминание повсюду:
Любил...
Люблю...
Любить я буду...

Кукушка все кричит и плачет...

Уйдем, а ей нельзя иначе.
Любовь в ее услышат песне,
те, кто когда-нибудь родится
Поймут: на свете всех печальней,
всех мелодичней эта птица.

* * *

Приходит, говорят, она лишь дважды:
По молодости раз, и раз под старость...
Уже и не догнать, и не дозваться
Ту, что однажды в юности осталась.

Под старость...
Только почему ж вторая
Звенящею стрелой — и прямо в душу
Вошла, до старости не дожидаясь,
Вошла, привычный мой уклад нарушив.

В блаженном безрассудстве убеждаюсь —
И аксакалы могут ошибиться!
Не «в молодости раз, и раз под старость» —
Придет, когда тому дано случиться...

* * *

Я в мир пришел, чтобы тебя найти
Мой поиск завершен, я ухожу.
И потому, при здравости ума,
Я прозванный «безумцем» ухожу.

Я в мир пришел, чтобы тебя найти.
Мой поиск завершен, я ухожу —
Ты — пламя, не пройти мне сквозь него...
Охваченный огнем я ухожу.

Я в мир пришел, чтобы тебя найти.
Мой поиск завершен, я ухожу.
Душой, пусть поздно, будто бы фатой
Прильнув к твоим плечам, я ухожу...

Содержание

Поэтические волны. *Р.Кутуй*

Память

Память. *Пер. А.Гайсиной*

Белый метеор. *Пер. Р.Кутуя*

Возвращение в Булгар. *Пер. Р.Кутуя*

«Смерть, война или кронная месть...» *Пер. А.Гайсиной*

В Муслимовском музее. *Пер. А.Гайсиной*

Рана. *Пер. А.Гайсиной.*

Больное место. *Пер. А.Гайсиной*

Жизнь. *Пер. А.Каримовой*

«В цветении полян брожу один...» *Пер. А.Каримовой*

«Зарей приподнят горизонт край...» *Пер. А.Каримовой*

«В слезах большого счастья нет, я знаю...» *Пер. А.Каримовой*

«У дома рода я — одно окно...» *Пер. М.Тузова*

Сундук жизни. *Пер. А.*

Летнее течение. *Пер. Р.Кутуя*

Ключ языка. *Пер. М.Тузова*

Полет. *Пер. М.Тузова*

Бабочки. *Пер. М.Тузова*

На майдане, где прошел сабантуй. *Пер. М.Тузова*

Бермудский треугольник. *Пер. М.Тузова*

«Только что синие весны пели...» *Пер. А.Каримовой*

«То жаворонка песнь, то соловья...» *Пер. А.Каримовой*

Мы с Солнцем — односельчане. *Пер. А.Хусаинова*

Живые цветы. *Пер. М.Тузова*

Древо рода. *Пер. М.Тузова*

Еще глубже... *Пер. Р.Кутуя*

«Злое слово дошло до меня...» *Пер. А.Хусаинова*

«Нам небеса являют красоту...» *Пер. А.Хусаинова*

«Куда б ни шла дорога этой жизни...» *Пер. А.Хусаинова*

«Начиная себя узнавать...» *Пер. А.Каримовой*

Смотрю, как восходит солнце. *Пер. М.Тузова*

Прыжки через огонь. *Пер. М.Тузова*

Синица. *Пер. Т.Шарафиевой*

«В этом мире меня любили...» *Пер. Т.Шарафиевой*

Абый. *Пер. М.Тузова*

«Говорят: испортит дорогу телега никудышная...» *Пер. Т.Шарафиевой*

Вознеси. *Пер. М.Тузова*

Татарская песня. *Пер. М.Тузова*

Праздник гармонии. *Пер. М.Тузова*

Не мелодии были. *Пер. М.Тузова*

«Разворачиваюсь и смотрю...» *Пер. Т.Шарафиевой*

Йа Илахым!.. *Пер. Т.Шарафиевой*

Слова обиды, обращенные к Миру. *Пер. М.Тузова*

Воды глубоки... *Пер. А.Каримовой*

Оседлали коней мальчишки... *Пер. А.Каримовой*

«Выйдет солнце...» *Пер. А.Каримовой*

«Люди говорят: «Цветок раскрылся»...» *Пер. А.Каримовой*

«Звенит простор натянутой струной...» *Пер. М.Тузова*

«Иду теперь к границе бытия...» *Пер. А.Каримовой*

Заблудившийся ребенок... *Пер. М.Тузова*

Перо судьбы

Весы. *Пер. Р.Кутуя*

Если задуматься... *Пер. Т.Шарафиевой*

«Вслед за весной наступает лето...» *Пер. Т.Шарафиевой*

Мир сегодня. *Пер. А.Каримовой*

Встреча со столетним стариком. *Пер. А.Каримовой*

Взгляд. *Пер. Д.Садыковой*

Тетрадь жизни. *Пер. Д.Садыковой*

«Слез хочется — но ты давно не плачешь...» *Пер. А.Каримовой*

«Незримым стать на свете...» *Пер. Д.Садыковой*

«Сердце дал тебе бог и дыхание...» *Пер. Т.Шарафиевой*

Лик света. *Пер. Д.Садыковой*
«Уйти с земли — еще не смерть...» *Пер. Д.Садыковой*
Сабантуй. *Пер. Р.Кутуя*
Наша жизнь. *Пер. Б.Сиротина*
Ночной полет. *Пер. Б.Сиротина*
Только мы. *Пер. А.Каримовой*
Последний конь. *Пер. Р.Кутуя*
Бумажному листу. *Пер. Л.Газизовой*
«Меня учили: «Пусть молчат уста...» *Пер. А.Каримовой*
«Когда стихи рождаются во мне...» *Пер. А.Каримовой*
Перо судьбы. *Пер. А.Каримовой*
«Кыйгак-кыйгак, кыйгак-кыйгак!..» *Пер. Т.Шарафиевой*
Три состояния стихотворения. *Пер. А.Каримовой*
Стихотворение, написанное в грозу. *Пер. А.Гайсиной*
Молитва. *Пер. А.Гайсиной*
Не буду писать... *Пер. А.Каримовой*
Колыбельная для лишенных колыбели. *Пер. А.Гайсиной*
«Поправляют перышки гуси у воды...» *Пер. Н.Ишимухаметова*
Нужные слова. *Пер. А.Каримовой*
«Дорогу жизни преодолевая...» *Пер. А.Каримовой*
Три примера... *Пер. А.Каримовой*
Цветок. *Пер. А.Каримовой*
«Стих на свете существует...» *Пер. Л.Газизовой*
«Внимай и слезам, и радость-река...» *Пер. Л.Газизовой*
На озере Лебяжье. *Пер. А.Каримовой*
Струна. *Пер. Д.Садыковой*
Когда поет Ильхам Шакиров. *Пер. А.Каримовой*
Шамиль Усманов. *Пер. А.Гайсиной*
Жизнь великих. *Пер. А.Гайсиной*
С книгой в руках. *Пер. Н.Ишимухаметова*
Гармошечка. *Пер. Б.Вайнера*
Раздумья. *Пер. А.Каримовой*
Правде. *Пер. А.Каримовой*
В ночи. *Пер. Л.Газизовой*
На празднике поэзии. *Пер. Б.Вайнера*
Книга поэзии. *Пер. М.Тузова*
Кул Гали. *Пер. М.Тузова*
В поисках утраченной мелодии (*Поэма*). *Пер. Н.Ишимухаметова*

Возвращение

Родник. *Пер. Р.Кутуя*
Луг. *Пер. Р.Кутуя*
Ветер. *Пер. М.Тузова*
Запах яблок. *Пер. М.Тузова*
Хлеб. *Пер. Л.Газизовой*
Осенние журавли. *Пер. М.Тузова*
Старики на стогах. *Пер. М.Тузова*
Плакучие ивы. *Пер. А.Хусаинова*
Деревня, вечернее кладбище. *Пер. Т.Шарафиевой*
Осень. *Пер. Т.Шарафиевой*
«В ласках твоих любовь материнская...» *Пер. Т.Шарафиевой*
Страна детства. *Пер. Л.Газизовой*
Луч света. *Пер. А.Хусаинова*
«Ярче яркого — что же яркое самое...» *Пер. Т.Шарафиевой*
Такие поэты... *Пер. А.Хусаинова*
Ржаное поле. *Пер. А.Каримовой*
Колыбель. *Пер. Б.Сиротина*
Песня веретена. *Пер. Б.Сиротина*
«Нам в детстве все вокруг казалось далеко...» *Пер. Т.Шарафиевой*
«И сдержанность бывает тяжела...» *Пер. Т.Шарафиевой*
Деревенские старики. *Пер. А.Гайсиной*
«Ах, было бы средство на свете...» *Пер. А.Гайсиной*
«Стайками взмыли птицы...» *Пер. А.Гайсиной*
А-а-ау!.. *Пер. А.Гайсиной*
Зов. *Пер. А.Гайсиной*
Родному краю. *Пер. А.Гайсиной*

Бабушка Алма. Пер. А.Гайсиной
Сотворение мира. Пер. Р.Кутуя
Осеннее приглашение. Пер. Б.Вайнера
Ручеек. Пер. Б.Вайнера
Душа деревни (Поэма). Пер. А.Каримовой
Весенние думы. Пер. Н.Иимухаметова
Взаперти. Пер. Б.Вайнера
Васильки. Пер. Б.Вайнера
Сенокос. Пер. Б.Вайнера
От печки. Пер. Б.Вайнера
Вьюга. Пер. Б.Вайнера
Ветер детства. Пер. Б.Вайнера
Конь в сердце (Поэма). Пер. М.Тузова

Зеркало

«Согревают их дыханием...» Пер. Т.Шарафиевой
«Мама, что же в жизни этой...» Пер. Т.Шарафиевой
Крик гуся. Пер. Р.Кутуя
Укор. Пер. Б.Сиротина
«Ты перешла в другое измеренье...» Пер. Т.Шарафиевой
Баллада о столбах от ворот. Пер. М.Тузова
Когда возвращался в Муслюмово... Пер. Д.Садыковой
На страже. Пер. Д.Садыковой
Возвращение к матери. Пер. Т.Шарафиевой
«Слышу в ветрах осенних...» Пер. Т.Шарафиевой
Четки. Пер. Т.Шарафиевой
Зеркало (Поэма). Пер. А.Бикбулатова
Наши письма. Пер. А.Каримовой
«Наверное, даже сама ты порой...» Пер. А.Каримовой
Одной красавице. Пер. А.Каримовой
«Красавица, что здесь забыла ты?...» Пер. А.Каримовой
«Пишу слова на небесах...» Пер. Т.Шарафиевой
Где ты, гармонь? Пер. Д.Садыковой
Вечерние окна. Пер. Д.Садыковой
До ошибки... Пер. Д.Садыковой
«Страстью я зажег ночное пламя...» Пер. Д.Садыковой
«Девушки вышли цветы собирать...» Пер. А.Каримовой
«Ты говоришь...» Пер. Т.Шарафиевой
Красивым. Пер. А.Каримовой
Рябина. Пер. А.Каримовой
«Слова любви на камне выбили...» Пер. Т.Шарафиевой
Время любви. Пер. А.Каримовой
«Мальчишкой стоило мне повстречаться...» Пер. А.Каримовой
«Но вторь в тоске ветром опасным...» Пер. А.Каримовой
«Приходит, говорят, она лишь дважды...» Пер. Т.Шарафиевой
«Я в мир пришел, чтобы найти тебя...» Пер. Т.

Литературно-художественное издание

Аюп Харрас
(**Аюпов** Харрас Гильмегалиевич)

Летнее течение

Казань. Татарское книжное издательство. 2008

Редактор *А.Д.Алишева*

Художник *А.Р.Хисматова*

Художественный редактор *Р.Х.Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка

Ф.Р.Гисматуллиной

Корректор *Г.Х.Сундукова*

Оригинал-макет подписан в печать 19.09.2008. Формат 70X90 ^{1/32}.

Усл. печ. л. 7,02. Усл. кр.-отт. 7,31.

Уч.-изд.л. 7,20. Тираж 1000 экз. Заказ Т-1265.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул.Декабристов, 2.